ПЛЫВЁТ КОРАБЛИК В ГОСТИ

КУШАК

АСТ

АСТРЕЛЬ

ЮРИЙ КУШАК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Однажды Сергей Михалков, послушав стихи Юрия Кушака, сказал: «А жаль, что это не я написал»… Эта великолепная рецензия подтолкнула молодого автора в Большую Детскую Литературу.

В книгу известного поэта, переводчика и составителя «Антологии сатиры и юмора в России XX века» вошли его лучшие стихи и переводы для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

- Юрий Кушак
  -
  - Двери в детство
  - Ну, что мне вам сказать про Кушака?
  - Самый маленький в детском саду
    -
    - Приятного аппетита!
    - Аквариум
    - Не хуже других
    - Недоразумение
    - Страшилка для капризных деток
    - На летнем лугу
    - Я рисовать умею!
    - Как получился мой портрет
    - Хозяин двора
    - Эй, рожки, вперёд!
    - Банька
    - Хорошо у бабушки!
    - Колыбельная для ёжика
    - Заячья колыбельная
    - Муравьиный фонарщик
    - Сладкий медвежий сон
    - Спать пора!
    - Чьи же это голоса?
    - Чем угощать в дни праздников любимцев и проказников
    - Солнышки-подсолнушки
    - Встреча
    - Самая правдивая история
    - До чего же хороши вежливые малыши!
    - Самый маленький в детском саду
    - Плывёт кораблик в гости

- Не окончена игра!
  -
  - Что такое счастье
  - Дозор
  - Игра в солдатики
  - Ухожу из спорта!
  - Танцы кукол
  - Друзьям о друзьях
  - Секрет
  - Что думает котёнок о щенке
  - Конура с печной трубой
  - Плюшевый пёс
  - Объявление
  - Строгий разговор
  - Мой рыжий сосед
  - Мы в театре
  - На собачьем языке
  - Дом друзей
- Уроки без мороки
  -
  - Зонтик
  - Мальчики-пальчики
  - Вся неделя собралась
  - Покупал баран баранки
  - Один и единица
  - Вчера, сегодня, завтра
  - Адрес на ошейнике
  - Где левая? Где правая?
- Почему кругом загадки
  -
  - Песенка почемучки
  - Загадки
  - Песенки-загадки
  - Карл и Клара (сКАРРоговорка)
  - Бывает
  - Сорок сорóк (скороговорка)
- Когда деревья полетят
  -
  - Когда мама поёт
  - С днём учителя меня!
  - Мяу!
  - Очень хочется сестрёнку!
  - Подарок
  - На кого же я похожа?

- Осенние листья
- Первый снег
- В магазине
- Ночное приключение
- Прощание со Старым годом
- Новость
- Дымок
- Новый-новенький год
- Мороз на стекле
- Письмо издалека
- Гололедица
- Когда деревья полетят
- Как снеговик колдует
- Март

○ Кто как встречает Новый год

-
- Заяц на маскараде
- С Рождеством, Снегурочка!
- Новогодний матч
- Круче всех волшебников!
- Гостья новогодняя
- Танцующая ёлка

○ Посреди полярных вьюг

-
- Где зимуют радуги?
- Оленёнок
- По морошку
- Как хвастались песцы
- На птичьем базаре
- Удивительный кот
- Что на что похоже
- Посреди полярных вьюг
- Разговор с приятелем
- Стихи, посвящённые другу

○ Сказки в стихах

-
- Башмачный кораблик
- Приглашение на уху
- Почтовая история
- Тарнаккай (По мотивам чувашской сказки)
- Репка (Старая сказка да новый лад)

○ Переводы

-
- Антонина Кымытваль. Перевод с чукотского

- Стихи
  - Перед праздником
  - Как построить ярангу
  - На коньках по океану
  - Новость
- Сказки и рассказы
  - Полезное имя
  - Железный малыш
  - Медвежья хитрость
  - Селезень-морянка
  - Подарок для тёти
  - Зелёным-презелёным утром
  - Тормозок
- Захид Халил. Перевод с азербайджанского
  - Ко мне, мухтар!
  - Шапка
  - Тени
  - Как у козлёнка рожки чесались (Сказка)
  - Самый справедливый сторож на свете
  - Зеркальце (Сказка)
  - Заячье имя (Сказка)
  - Хвост (Сказка)
  - Два граната (Притча)
- Газимбек Багандов. Пересказ с аварского
  - Сказка о дедушкиных башмаках
    - Маленькое вступление, из которого ясно, в кого я такой
    - Глава первая. О том, как поссорились мои башмаки, которых никогда не было
    - Глава вторая. О том, как я отправился в гости верхом на блохе
    - Глава третья. О том, как я нарушил древний обычай и не оставил блоху королю
    - Глава четвёртая. О том, какие бывают занозы и как мне помог мой левый ботинок
    - Глава пятая. О том, как, сам того не ведая, я посадил ореховую рощу
    - Глава шестая. Почему у меня не осталось ни одного ореха
- Муса Гали. Перевод с башкирского
  - Праздник сабантуй

- Раиса Сарби. Перевод с чувашского
  - Вкус снега
- Тотрбек Кочиев. Перевод с осетинского
  - Такая Яблоня
  - Дружба

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Юрий Кушак
Плывёт кораблик в гости (сборник)

© Кушак Ю. Н., 2013
© Соколов Г. В., илл., 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2013

Двери в детство

Послушайте, какая странная история произошла с Автором этой книги Юрием Кушаком.

Я надеюсь, что вы верите в чудеса? Ну, слава Богу! А то не стоит и начинать читать сказки. Так вот, как известно, все детские писатели верят в чудеса. Да что там детские, вообще все писатели в них верят, иначе они не были бы писателями. Ведь только благодаря чудесам им открывается неведомый никому мир. Там живут разные незнакомые нам люди, а в сказках и звери. Мало того, там, в сказках, живут и даже разговаривают и звери, и птицы, и всякие предметы, и небо, и солнце, и туманы, и дожди. Но услышать всё это удаётся только самым талантливым людям. И чтобы ничего не забыть, они тут же начинают всё записывать. А некоторые пишут про все эти чудеса – стихами, как, например, Юрий Кушак. Вот так и рождаются книги.

Теперь ты понимаешь, что каждый раз, открывая книгу, ты попадаешь в новый интересный мир, куда тебя приводит Автор.

А теперь представь себе, какая случилась история. Попал наш замечательный Юрий Кушак в этот свой, одному ему ведомый, сказочный мир, стал его описывать чудесными стихами, да так там и остался. Очень ему там понравилось.

А кому же может не понравиться, когда кошка дружит с мышкой? А какую сладкую песенку поёт медведица медвежонку! У меня просто «слюнки текут»! А где ещё может так радоваться жизни Снежная баба? Она ведь буквально теряет голову от счастья. Да ещё все-все обитатели этой страны умеют дружить. Разве вы слышали когда-нибудь, чтобы бурые медведи расстраивались до слёз из-за того, что у белых медведей нет мёда? И тут же отправляли им мёд на Северный полюс. А белые просто рыдали от жалости, что у бурых нет мороженого. Да что там говорить! Ведь маленький утёнок чуть было не утонул от горя из-за того, что пригласил всю деревню на уху, а поймал только одну рыбку. А какие душечки после баньки хрюшечки! Да разве можно это всё пересказать! Вот ты откроешь книгу и сразу почувствуешь юмор и доброту, которые она излучает. А доброта – это главный секрет Автора. Ведь только доброта способна открывать любые двери, даже двери давно ушедшего детства.

Вот и берёт нас за руку Юрий Кушак и ведёт за собой в эти волшебные двери. И там, в этой чудесной стране, среди весёлых стихов, мы сразу забываем все свои горести и печали. Потому что в детстве нас окружает доброта и любовь. Вы заметили, как быстро высыхают в детстве слёзы? Какие там длинные-

предлинные дни? И как много вокруг друзей?

Вот почему Юрию Кушаку так захотелось остаться там навсегда. Ведь его сердце полно доброты и в нём помещается так много друзей! Открывай скорей книжку, если ты хочешь узнать, что такое доброта! Поверь мне, ты тоже станешь настоящим другом Автора этой книги.

Виктория Лепко

Ну, что мне вам сказать про Кушака?

О нём можно говорить всё, что угодно, кроме плохого.

Это удивительный человек. Он как-то спокойно ладит со всеми. Он дружит со мной и чисто с литературной точки зрения. А с литературной точки зрения все мы хорошие. Он любит всех, и все его любят.

И как его не любить, – он и поэт, и писатель, и переводчик. И во всех этих ипостасях он блистателен.

Родился этот достойный человек 19 апреля 1936 года. И сразу занялся переводами.

Благодаря Юрию Кушаку стихи, изначально написанные на татарском, казахском, туркменском, чувашском, башкирском, осетинском, кабардинском, даргинском, чукотском, цыганском языках, зазвучали по-русски.

Этого ему показалось мало, он немедленно стал наводить порядок во взрослой литературе.

Он стал автором и составителем пятидесятитомной «Антологии сатиры и юмора в России». И разумеется, как прогрессивный человек, он целый том посвятил мне (а мог бы посвятить два).

В детской литературе он тоже не терял время. Юрий Кушак написал множество чудесных книжек, любимых многими поколениями детей и взрослых.

Вот ещё одна из его многих заслуг. Работая в «Литературной России» в семидесятые годы, он помогал публиковаться будущим популярным авторам, таким, как Эдуард Успенский (это я), Феликс Камов, Юрий Коваль, Сергей Козлов, и другим. В середине восьмидесятых своим авторитетом «наш Наумыч» сильно помог молодым писателям выпустить первый коллективный сборник «Чёрная курица». Из «Курицы» вылупились…

С появлением этих имён началась новая детская литература в России. В общем, если вывести на Красную площадь всех тех людей, которым помог ЮРИЙ НАУМОВИЧ КУШАК, они займут всю площадь до кирпичика. Там даже не останется места для двух наших президентов.

А сейчас я приведу несколько его замечательных стихотворений, и вы сразу влюбитесь в его поэзию:

ПРИГЛАШЕНИЕ НА УХУ
По макушку в траве
Шагал утёнок по тропе

Не спеша, вразвалочку,
Утром на рыбалочку…

Пахло мятой луговой.
Месяц плыл над головой.
Ночь тепла и тиха…
Будет славная уха.

ПОКУПАЛ БАРАН БАРАНКИ
На базаре спозаранок
Накупил баран баранок:
Для барашков, для овечек
Десять маковых колечек,
Девять сушек,
Восемь плюшек,
Семь лепёшек,
Шесть ватрушек,
Пять коржей,
Четыре пышки,
Три пирожных,
Две коврижки,
И один калач купил —
Про себя не позабыл!

ЗАЯЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ
Каплет с веток дождик частый,
Спи, мой серый, мой ушастый,
Я люблю тебя, люблю,
Я ружьё тебе куплю.

Вот пойдём мы на охоту
По лесам и по болоту,
Всех прогонишь ты, малыш,
Кто зубаст и слишком рыж!

А Медведю скажем: – Дядя!
Хватит шастать на ночь глядя,
Ты домой к себе иди,
В Зайце зверя не буди…

И ТАК ДАЛЕЕ ДО САМОГО КОНЦА КНИГИ…

Ваш Э. Успенский

Самый маленький в детском саду

Приятного аппетита!

Коляда-колядка,
Ехала Лошадка —
С вороною холкой,
Золотою чёлкой —
Такая благородная,
Но очень уж голодная!

Так и бьют копыта:
Приятного аппетита!
Приятного аппетита!
Приятного аппетита!

Прискакала к Маше,
Попросила каши:
– Ты не жмурься,
А ложку возьми
Да себя и меня покорми:
Маше – ложечка,

И мне немножечко,
Маше – ложечка,
И мне немножечко,
Приятного аппетита,
Приятного аппетита,
Приятного аппетита!

А теперь с Ванюшею
Супу я покушаю:
Это же глупо —
Остаться без супа!
Ване – ложечка,
И мне немножечко.
Ване – ложечка,
И мне немножечко
До самого донышка,
А там – солнышко.

И всем большое спасибо!

Аквариум

У рыбы вечно полон рот!
Я спать ложусь —
Она жуёт.

Я просыпаюсь —
Рыба ест.
Я кашу ем —
И рыба ест.
Иду гулять,
А рыба ест,
Как только ей не надоест?!

Невероятный аппетит!
Нелепая ошибка,
Что до сих пор она не кит,
А – маленькая рыбка!

Не хуже других

Сидит спозаранку
Малыш у реки,
С усмешкой глядят
На него рыбаки.

– Поймал карася?
– Да пока ещё нет… —
Смущённо малыш
Улыбнулся в ответ.

– Должно быть, не так
Насадил червяка?!
– Зачем червячок,
Если нету крючка?..

– Да как же ты ловишь?
– Да так и ловлю —
Я просто сидеть
Возле речки люблю.

Кругом рыбаки,
Не клюёт и у них.
Выходит, рыбак я
Не хуже других.

Недоразумение

Ахнула бабушка
От удивленья:
– Ах, это кто же
Доел всё варенье?

Мальчик задумался,
Глядя в окошко:
– Если не мышка,
То может быть кошка?

Мальчика строго
К себе поманили.
– А почему твои щёки
В малине?!

– Щёки в малине? —
Малыш удивился. —
Бабушка, я же
Ещё не умылся!

Страшилка для капризных деток

В этой страшной деревеньке,
В страшной-страшной деревеньке,
В распрестрашной деревеньке —
Даже от киселя
Отказаться нельзя
Ни за какие деньги!

Скажут: «Эй, Василёк,
Ну-ка пей КИСЕЛЁК
ЦВЕТА ЗЕЛЁНОГО,
ВКУСА СОЛЁНОГО —
Чай, не в детском саду,
не откажешься!»

Там беззубые ведьмы по лавкам сидят
И ХОЛОДНУЮ МАННУЮ КАШУ едят!
А лешие руками —
ПЮРЕ С КОМКАМИ!!!
И сверкают своими зенками —
МОЛОКОМ запивают С ПЕНКАМИ!!!

Ходит-бродит Кощей
Среди ГОРЬКИХ ОВОЩЕЙ,
РЕДЬКУ откусывает,
ХРЕНОМ закусывает,
РЫБЬЕГО ЖИРУ напьётся
И сам с собой дерётся!

А потом они напоследок
Собирают капризных деток:
– Хорошо, что вы дома не кушаете,
Маму-папу своих не слушаете.
Кушайте, детки,
Наши объедки —
Чай, не дома, у нас не откажешься!

На летнем лугу

Это кто из-под земли
Выдувает пузыри?
Что там за проказники?
Что у них за праздники?

Может, это старый крот
Продувает дымоход,
И летят среди жары
Белоснежные шары?

Или это, лежа дома
В подземелье, изнутри,
Из своих тростинок гномы
Выдувают пузыри?
В блюдце мыло пенится,
Гном с дивана целится:
Дунет в стебель, лопнет шар —
Хлоп! – в обморок комар!

Ишь, чего придумали
Глупые обманщики!
А мы-то с вами думали,
Что это ветры дунули,
А мы-то с вами думали,
Что это одуванчики…

Я рисовать умею!

Похожа я на фею —
Я рисовать умею!

Взмахну волшебной палочкой —
И вот под птичий свист
Лужайка вместе с бабочкой
Вспорхнёт на белый лист.

И всё вокруг зашепчется:
«Волшебница… волшебница…»

Как получился мой портрет

Новый ластик так старался —
Он стирал дома и лес,
Всё стирал,
И сам стирался —
Раскрошился
И исчез…

А ведь если бы не это,
То, наверное, тогда
Моего автопортрета
Вам не видеть никогда!

Хозяин двора

На бочке,
Как на троне,
Сидит петух в короне.

Курами правит.
Сам себя славит.

Эй, рожки, вперёд!

Шёл в гости
Козлёнок
На луг, за ручей.
Увидел он мостик
Из новых жердей.

Козлёнок подумал:
«Зачем городить?
Кто это придумал —
По брёвнам ходить?»

– Эй, ножки, подбросьте!
Эй, рожки, вперёд!
Я сам себе мостик
И сам пешеход!

Банька

Тёрли свинки
Друг другу спинки,
Мыли хвостики-крючки,
Отмывали пятачки!
Парились веничком,
Парились берёзовым.
Вылетали из парной
Облачком розовым,
Розовые облачка —
Три румяных пятачка.

А как облились из ушат,
Так уж больше не спешат:
Расселись в се́нцах,
В махровых полотенцах,
После пылу-жара
Возле самовара,
Дуют на блюдца —
Друг дружкой любуются:

Уж такие душечки
После баньки хрюшечки!

Хорошо у бабушки!

Под луною на весу
Колыбельную в лесу
Напевает тихо
Бабка Паучиха.

Вяжет восемь тапочек
Для паучьих лапочек
Да качает гамачок,
Засыпает паучок…

Баю-баю-баюшки,
Хорошо у бабушки!

Колыбельная для ёжика

Моховой,
Пуховой
У меня диванчик.
Под моей головой
Мягкий одуванчик.

У меня
Простыня —
Просто лист кленовый.
Каждый день
Про себя
Сон смотрю я новый.

Я во сне
На сосне
Сплю у самой тучки.
Золотые на мне
Выросли колючки.

Всем светло
И тепло
Средь лесных дорожек,
Будто солнышко взошло
И сопит, как ёжик.

Заячья колыбельная

Каплет с веток дождик частый,
Спи, мой серый, мой ушастый,
Я люблю тебя, люблю,
Я ружьё тебе куплю.

Вот пойдём мы на охоту
По лесам и по болоту,
Всех прогонишь ты, малыш,
Кто зубаст и слишком рыж!

А медведю скажем: – Дядя!
Хватит шастать на ночь глядя,
Ты домой себе иди,
В Зайце зверя не буди…

Муравьиный фонарщик

Вот затих, заснул старинный
Город славных мастеров.
Лишь фонарщик муравьиный
Спать не будет ночью длинной —
Тот фонарщик муравьиный
Зажигает светлячков.

Зажигает, напевает —
Баю-баюшки-баю, —
На крылечке оставляет
Сон волшебный муравью.

И хвоинки, как засовы,
Поправляет для того,
Чтоб снаружи даже совы
Не видали ничего.

Сладкий медвежий сон

Белым снегом всю берлогу замело,
А в берлоге очень тихо и тепло.

У малышки у Топтыжки
В каждой лапе по коврижке,
Мятный пряник на носу,
А в глазах – по леденцу.

И Топтыжке снится сон мармеладный,
А потом приснится сон шоколадный,
А потом приснится дождик медовый
И малина на опушке сосновой.

Белым сахаром берлогу замело —
Очень вкусно медвежонку и тепло.
Только б глупый не объелся,
Только б зуб не разболелся!

Спать пора!

Пела в поле Перепёлка:
– Спать пора! Спать пора!
Пела с Перепелом долго:
– Спать пора! Спать пора!
Громче всех у камушка
Пела с ними Бабушка:
– Спать пора! Спать пора! Спать пора!

Закрывала Стрекоза
Бирюзовые глаза.
Жук разлёгся на пеньке,
Спрятав крылья в рюкзаке.

Свиристели отсвистели,
Все давно уже в постели,
И в уюте, и в тепле —
В норке, гнёздышке, дупле.
Спать пора! Спать пора! Спать пора!

Озарило солнце ёлки,
И с утра, и с утра
Замолкают Перепёлки
Как всегда, как вчера.
От росы просушат чёлки
Под крылом, под крылом,
И звенят над ними пчёлки:
– С добрым днём! С добрым днём!
Спать пора, перепела! Спать пора!

Чьи же это голоса?

Вышел Ванечка во двор:
Что за шум? Что за хор?
Блещет солнышко в глаза,
Ванечке обидно:
Чьи же это голоса?
Ничего не видно!

– Хрюки-хрю! Хрюки-хрю!
С добрым утром! – говорю.
А Ванюше повторю:
– Хрюки-хрюки-хрюки-хрю!

– Ме-ме-ме! Ме-ме-ме!
Иди, Ванечка, ко мне,
Будем как два братца
Мы с тобой бодаться!

– Га-га-га! Га-га-га!
Ты сойди с крылечка —
Ждут за рощей берега,
Камыши и речка!

– Кря-кря! Это зря!
Наши лужи, как моря.
Нет, совсем не хуже
Кувыркаться в луже!

– Кукареку, кукареку!
Что пристали к человеку!
Чем хрю-хрюкать и ме-мекать,
Научитесь кукарекать!

– Гав! Гав! Ты не прав!
Лучше лаять – гав, гав, гав!
Дают за это горсточку
Потрошков и косточку!

– Му-му! Му-му-му!
Просто стыдно слушать!
Я Ванюше моему
Сена дам покушать.

– Иго-го! Иго-го!
Верхом кататься нелегко!
А я Ванюшу научу,
По мосточку прокачу.

Вот какие чудеса —
Мы узнали голоса!
Будем хрюкать, гоготать,
Вместе с Ваней хохотать!

Чем угощать в дни праздников любимцев и проказников

Подают в дни праздников
Праздничный обед.
Почему же праздников
У зверушек нет?
И придумал Ванечка
Много всяких праздников
Для своих любимчиков.
Для своих проказников.
Да здравствует Праздник
Домашних Котов!
Несут угощенье —
сто двадцать сортов:
Сосиски, сметанка и сливки,
Кувшинчик молочной наливки,
И каждому по мышеловке —
Ведь после пирушки
Все мышки-норушки
Уж больно хитры на уловки!
А Лошади в День Лошади
На праздничный обед
Преподнесут на площади
Большой-большой букет —
Букет из одуванчиков
От девочек и мальчиков.
Она к цветам потянется
И будет есть и кланяться.
В честь Праздника Хрюшки —
Одно загляденье:
Кружавчики, рюшки, банты!
Несут им очистки —
Одно объеденье! —
И щи из свекольной ботвы.
В День Петуха и Курицы —
Кудахтанье на улице,
Как будто пляшут птицы
Над горсточкой пшеницы,
И все под праздничный салют
Подсолнушки клюют.
Пришла нарядная

На Праздник Козочка —
На рожках бантики,
На шее розочка,
Кочерыжкой хрусть-хрусть,
А в глазах грусть-грусть:
Вкусно да грустно —
Кончилась капуста!
В День Праздника Собаки
С утра надели фраки,
В зубах у них не тросточки,
А сахарные косточки,
А с косточкой,
Во фраке —
Собакам не до драки!
На праздник подайте Барашку
Холодную, свежую «кашку»,
Но только, прошу вас, не манную,
А утреннюю, туманную:
Ах, клевер в росе для Барашка —
Ни с чем не сравнимая кашка!
А сегодня Кролики
Заняли все столики,
Празднуют с Ванюшей:
– Ты, Ванюша, кушай!
Кто морковкою хрустит,
Никогда не загрустит!

1

2

3

4

5

6

7

8

Солнышки-подсолнушки

Вырастут подсолнушки —
Превратятся в солнышки!

Над землёю друг за другом
Понесутся круг за кругом,
Поведут свой хоровод
Днём и ночью – круглый год.

Круглый год на огороде
Для Зайчишки есть еда,
Черноглазая смородина —
Для певчего дрозда.

И не будет больше спячки
У весёлых медвежат,
И с бельём бобрихи-прачки
На просушку не спешат.

Ведь повсюду солнышки,
Дремлют только совушки!

В лес беги, лежи на пляже
Хоть до самого утра —
И никто тебе не скажет:
– Солнце село! Спать пора!

Встреча

Всю ночь хохочет филин
И прячется тропа,
Всю ночь в лесу друг друга
Искали два гриба.

– Ау, откликнись, братец! —
Аукались они,
В траве теряли шляпы
И стукались о пни.

То свалятся в берлогу
На спящих медвежат,
То влезут в муравейник —
Хозяев всполошат.

То ёжик, то крапива,
То корни на пути:
Им ни за что на свете
Друг друга не найти!

Один под ёлкой плакал,
Другой грустил у пня…
Но встретились два братца
В корзинке у меня!

Самая правдивая история

Поймал в лесу я,
Просто так,
Маленького такого зайца!
Поймал его я
И запряг
В маленькую такую повозку!
А на повозку
Положил
Большую такую тыкву!
А рядом с тыквою
Сложил
Морковку и лука головку…

И заяц
Распушил усы —
Сахарные такие усы.
И ушки поднял
Для красы —
Бархатные такие ушки.
И в лес рысцою побежал —
Вот так: прыг-скок, прыг-скок.
И как лошадка,
Тихо ржал:
– И-го-го! И-го-го!

И тут ему
Навстречу волк —
Страшный такой волчище!
Из чащи – прыг,
Зубами – щёлк,
Страшные такие зубища!
И заяц
Опрокинул воз —
Тыкву и всё остальное,
И – бац! – морковкой
Волка в нос,
Хорррошей такой морковкой!

И тут волчище
Наутёк —
И сейчас ещё бежит!

И заяц тоже
Со всех ног —
Ну, в общем, он теперь дома.

Шёл муравьишка
По тропе —
Маленький такой муравей!
Поднял он воз,
Повёз к себе —
В большой такой муравейник.
А тыкву взял
Речной бобёр
И до сих пор с бобрятами
Играет тыквой
В ватерпол —
Ну, это игра такая…

А где же
Лука головка?
Украла
Сорока-воровка!

До чего же хороши вежливые малыши!

Лишь проснутся на рассвете
Очень вежливые дети,
Только скажут:
– С ДОБРЫМ УТРОМ! —
Станет добрым и уютным
Дождь – как будто сто зайчат
В окна лапками стучат!
Вот позавтракали эти
Очень вежливые дети,
Но не станут убегать —
Это очень некрасиво,
Надо всем сказать: – СПАСИБО! —
А потом – бегом играть!
Если вдруг разбили блюдце,
Наши дети не смеются
И не прячутся они,
Скажут маме: – ИЗВИНИ!
ИЗВИНИ! – вздыхая, скажут.
Их простят и не накажут.
Блещет солнце, день прекрасный,
Как салют, цветёт сирень.
Дети другу скажут: – ЗДРАВСТВУЙ!
Друг ответит: – ДОБРЫЙ ДЕНЬ!
Или с мячиком сосед
Крикнет весело: – ПРИВЕТ!

До чего же хороши
Вежливые малыши!
Вежливые малыши
Говорят: – ПОЖАЛУЙСТА!
Дайте нам карандаши
Всех цветов, ПОЖАЛУЙСТА!
– Ладно, – скажут им в ответ, —
Нарисуйте наш портрет,
ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖАЛУЙСТА,
ПОЖАЛУЙСТА!

Солнце село… И пора
Расходиться со двора.
Скажем всем:
– СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

ДО СВИДАНЬЯ! До утра!

До чего же хороши
Вежливые малыши!

*

*

*

*

Самый маленький в детском саду

Мой братишка – как на беду! —
Самый маленький в детском саду.
В маленькой шапочке,
В маленьких тапочках —
Самый маленький в детском саду.

Зато он у всех ребят на виду —
Самый маленький в детском саду.
Шум поднимается,
Дети сбегаются,
Только я брата в сад приведу.

И тотчас затеют с ним чехарду —
С самым маленьким
в детском саду:
Кто шарик притащит,
Кто с буквами ящик,
Кто в бубен грохочет,
кто дует в дуду!

Но самый маленький
в детском саду
В школу отправится в этом году:
Всех лучше читает,
Всех лучше считает
Самый маленький в детском саду!

Плывёт кораблик в гости

Сверкнул бумажный парус
Над быстрою волной.
Качается кораблик,
Прощается со мной.

За синим горизонтом
Ему уже видны
И мельницы, и башни
Загадочной страны.

Там пекари прохожим
Бросают калачи,
Под небом на канате
Танцуют циркачи.

Там целый день на пони
Катается народ,
И старый лев зевает
У городских ворот.

Плывёт кораблик в гости,
Гремит салют в порту,
И каждый вслух читает
Названье на борту.

Читают слово «Юра!»,
И все кричат: – Привет! —
Как будто бы знакомы
Со мною много лет.

Не окончена игра!

Что такое счастье

Теперь-то я знаю,
Что такое счастье:
Это когда ты любишь кролика
И он – твой!
И бархатные его ушки,
Всегда выглаженные,
как на праздник,
И две красные клюквинки глаз,
И пушистый хвост,
Похожий на большой одуванчик,
И глухой колокольчик сердца,
Словно сделанный из мягкого фетра,
Колокольчик,
Который можно услышать
Только любящими руками…

Дозор

Свой ремень
Мне подарил
Старший брат.
Целый день
Я мастерил
Автомат.

А потом
Надел пилотку,
Изменил слегка
Походку:
– Левой! Левой! —
Через двор
У берёзы
Встал дозор.

Вечер. Звёзды. Тишина.
За спиною – вся страна!

Игра в солдатики

Аты-баты,
По Арбату
Аты-баты,
На войну,
Аты-баты
Шли солдаты
Защищать свою страну.

Не солдатик оловянный
С оловянною трубой,
А трубач – юнец румяный —
Сбор играет боевой.

Стол блестит,
Как поле боя,
В это утро голубое.
След от краски – как река.
За окошком – облака…

Золочёные мундиры
Нас на флангах обошли.

– Эй, в атаку, кирасиры,
Не зевайте, бомбардиры,
Заряжайте все мортиры,
Мы вам ядра привезли —
Боевые, новые
Косточки вишнёвые!

У чернильной старой башни
Под часами бой кипит,
Бой неравный рукопашный:
Вот упал капрал бесстрашный,
Вот ещё солдат убит.

Падают солдатики
Возле стен «Грамматики»!

Но ликует враг напрасно —
Нас никто не победит!
Вот уже под флагом красным

Наша конница летит!

Всё в дыму, и всё в огне,
Сам Чапаев на коне,
И тачанка с разворота —
Тра-та-та! – из пулемёта,
Всё смешалось, как в кино…

Ночь пришла.
Темным-темно.

И тогда, как волчья стая,
Окружили штаб враги.
Я не смог спасти Чапая
Из бушующей реки.

…Я над кручею стою,
Я, как дедушка, пою:
– Ты не вейся, чёрный ворон,
Над моею головой…
Чёрный ворон,
Я не твой!

А наутро – снова бой!

Снова бой —
Назад ни шагу,
Не окончена игра!

Это я бегу в атаку,
Это я кричу «Ура!».
Воют в небе «мессершмитты»,
Бьют зенитки по врагу…

Это я, совсем убитый,
Умираю на снегу.

За тебя, родная школа,
И за мир на всей земле…
Вот тогда-то уж, Мешкова,
Ты поплачешь обо мне!

В честь отважного героя
В парке памятник откроют.

А народу – как на матче!
Все друг другу – как родня!
«Ах, мой мальчик,
Храбрый мальчик! —
Скажет мама про меня. —
Мало мы его любили,
Даже клюшку не купили…»

…Мама в комнату вошла:
– Убирай-ка со стола!
До сих пор ещё не спишь,
Весь зарёванный сидишь…

Аты-баты,
Виноваты,
Аты-баты,
Марш ко сну!
И уходят спать солдаты,
Защитившие страну.

Ухожу из спорта!

Я стану теннисистом —
Конечно, теннисистом!

А лучше хоккеистом —
Ну, точно – хоккеистом!

Нет! Лучше стану я борцом!
Пловцом!
А лучше уж гребцом!

Нет – чемпионом по конькам!
Нет, тренером по городкам!

И то,
И это я хочу,
Стою, ракеткою верчу:
– Бац! – промахнулся по мячу,
Лежу на травке корта…

– Всё!
Ухожу из спорта!

Танцы кукол

Достанем краски,
Ножницы и клейстер,
И вот готовы
Куклы и наряд.
Смотри, смотри,
Как маленький танцмейстер
Движеньем жезла
Начал маскарад.

И на глазах
Картонная коробка
Вдруг превратилась
В площадь у дворца.
Бумажный принц
Восторженно и робко
Спешит к бумажной Золушке
С крыльца.

Танцуют куклы
В кружеве и блёстках,
Шут к бубенцу
Привязывает бант.
А на пластинке,
Словно на подмостках,
Невидимый играет музыкант.

Постой, постой!
Всё может быть не так:
Оглянемся вокруг
Волшебным взглядом —
И станет скатерть
Сказочным нарядом,
Хрустальной туфлей —
Бабушкин башмак.

Зажжём свечу, развесим мишуру,
Опустим шторы
Во дворцовом зале,
И мы теперь с тобой
на карнавале —
Чур, я танцмейстер!

Продолжай игру…

Друзьям о друзьях

Собаки – друзья человека,
Однако
Об этом не каждая
Знает собака.
И прежде чем лапу
Бульдогу пожать,
Узнайте – не будет ли
Друг возражать.

И если Хозяин
К собаке нагнётся,
Пошепчет ей что-то
И вам подмигнёт,
То Друг человека
В ответ улыбнётся,
Вам лапу подаст
И как друга лизнёт!

Секрет

Подарили мне такое —
Ни за что не отгадать!
Ну такое, о котором
Можно только лишь мечтать!
Ну такое озорное,
Непослушное, родное —
То, что спрыгнуло со стула,
Помахало мне хвостом,
Прямо в нос меня лизнуло
И залаяло потом!

Что думает котёнок о щенке

– Уж этот щенок
И хвастун, и нахал —
Всё лает, как будто
Он вора поймал!
А я
Хоть и мышку поймаю,
И то
Ни за что
Не залаю!

Конура с печной трубой

Построили псу
Конуру во дворе.
Он печку поставил
В своей конуре.
Приятно на печке
Погреться зимой,
Со службы собачьей
Вернувшись домой!

Плюшевый пёс

И этот пёс сторожевой.
Он может лаять, как живой.
Но он не лает потому,
Что вы понравились ему.

Объявление

Среди всяких объявлений
На столбе висит листок:

«Для совместных выступлений
Ищет Клоуна
Щенок.
Прилагается портрет.
Ожидается ответ».

Строгий разговор

Не лижи меня, не трогай,
Прочь, Дружок!
Будешь знать, какой я строгий —
Да, дружок!

Кто разбил горшок с цветами —
Кто, Дружок?!
Что скажу теперь я маме —
Что, Дружок?
Не скули ты с грустным видом,
Прочь, Дружок!
Всё равно тебя не выдам,
Мой дружок…

Мой рыжий сосед

Вы знаете Рыжего Клоуна в цирке?
Катает он ослика на мотоцикле!

Потом на канате – нога на ноге —
Лежит и качается, как в гамаке.

На нём башмаки
с удивительным скрипом
И в клеточку брюки,
а волосы – дыбом,

Когда он танцует —
ну просто умора! —
Под звуки большого кошачьего хора.

То он арифметике учит дворняжку,
То он всё никак
не поймает подтяжку,

То гирю, кряхтя, на арену выносит —
Согнётся, качнётся
и в публику бросит,

И публика ахнет, а гиря, как мячик.
По спинам, по лысинам
весело скачет.

А если он плачет, то слёзы из глаз
В партере окатят любого из вас!

Так вспомнили Клоуна?
Звать его – Рыжий,
Тут даже не надо сверяться
с афишей,

Я знаю его и открою секрет:
Тот клоун известный,
тот клоун чудесный,
Тот клоун… Ну, словом,
и есть мой сосед!

Он дядей Володей становится снова,
Мы в лифте встречаемся,
честное слово!

Он мне подмигнёт:
– Как делишки, браток?!
И тотчас из уха достанет цветок!

Мы в театре

Мы в театре!
Настоящем!
И у каждого – билет!
Мы сидим, глаза таращим,
Долго в люстре гаснет свет.
Как троллейбус с остановки,
Чиркнул занавес, пошёл!

От волнения у Вовки
Номерок упал на пол.
И за Вовкою под кресло
Тут же староста полезла…
Тише!
Вы же
Не в кино!
А на сцене – небо в звёздах,
Веет музыкою воздух,
В теремке горит окно…

Что-то будет в этой сказке!
Я-то знаю, да молчу,
Да любого за подсказки
Я и сам поколочу!
Знаю сам, что Волк голодный —
Пожилой артист народный,
А медведь простуженный —
Молодой, заслуженный…

Только пусть подольше длится
Сказка, тайна, волшебство.
А вокруг
Такие лица —
Не узнаешь никого!

На собачьем языке

Под берёзою в теньке
У ворот соседа
На собачьем языке
Стас завёл беседу:

– Сколько будет дважды два —
Гав, гав?!
Пёс задумался сперва:
– Гав, гав!
Стас хохочет:
– Вот и нет,
Гав, гав!
Пёс оскалился в ответ:
– Гав! Гав!!!

Всем понятен этот лай:
«А ну, проваливай давай!»

Мальчик с палкою в руке
У ворот соседа
На собачьем языке
Продолжал беседу:

– К честным людям пристаёшь,
Гав, гав?
Пёс рычит, что это ложь:
– Гав, гав!
– Это я, выходит, вру,
Гав, гав?!
Скрылся пёс за конуру:
– Гав, гав!
– Только высунь глупый нос,
Гав, гав!
«Укушу!» – подумал пёс:
– Гав! Гав!

Как он бросится стремглав:
– Гав, гав!
Разорвал в клочки рукав:
– Гав! Гав!
И штаны короче стали…

Вот и всё.
Потолковали.
Под берёзою в теньке
На собачьем языке.

Дом друзей

Я из песка построил дом —
Большой красивый дом.
Потом террасу для гостей —
Террасу с козырьком.

А дом я садом окружил,
Чтоб с места не сходя
Ловить то вишню, то орех
Под носом у дождя.

Добро пожаловать! Мой дом
Открыт для всех друзей!
Как хорошо, что ты пришёл,
Бродяга Муравей!

Входи, входи, учёный жук,
Ты так устал в пути.
И ты, Сверчок, старинный друг,
Без всякого входи!

И все, кто загрустил чуть-чуть,
Кому друзья нужны,
Хоть на минутку заглянуть
В песочный дом должны.

В песочный дом, в песочный сад,
Где просто для красы,
Как новогодний шар, висят
Песочные часы.

Уроки без мороки

Зонтик

СНАРУЖИ – слякоть, скукота́.
На лужах пузыри…
Зато какая красота
Под колокольчиком зонта
У дождика ВНУТРИ!

Мальчики-пальчики

Я на пальчиках считала
И ужасно хохотала:
Разве это пальчики?
Это ж наши мальчики!

Вот БОЛЬШОЙ —
Большой чудак,
Любит хвастать
Просто так.
– Как дела? – спроси его.
Он подпрыгнет,
Крикнет: – В-во!

УКАЗАТЕЛЬНЫЙ поманит,
Погрозит,
Укажет путь,
А потом – в носу застрянет:
Где-то надо ж отдохнуть!

СРЕДНИЙ палец —
Злой мальчишка:
Щёлкнет по лбу —
Сразу шишка.
Щёлк – по шару, —
Лопнет шар.
«Хлоп!» —
И в обморок комар!

БЕЗЫМЯННЫЙ дотемна
Выбирает имена:
– Мальчик-с-пальчик?
– Фантомас? —
Всё уж было тыщу раз!

Солнце село. Спать пора.
– Лучше выберу с утра…

А МИЗИНЕЦ —
Мой любимец,
Поведу его в зверинец,
«Эскимо» ему куплю —

Очень маленьких люблю!

Вся неделя собралась

Мельник-ПОНЕДЕЛЬНИК
Едет через ельник.

Скачет рыжий ВТОРНИК,
На козе намордник.

Следом тётушка-СРЕДА
На гусыне, как всегда.

А ЧЕТВЕРГ – шапку вверх! —
С ёлок снег, как фейерверк!

На запятках катит
ПЯТНИЦА-забота,

Да в заплатках вся
Бездельница-СУББОТА.

А барыня-ВОСКРЕСЕНЬЕ
Всех звала на новоселье,
Да покуда проспалась —
Вся НЕДЕЛЯ собралась!

Покупал баран баранки

На базаре спозаранок
Накупил баран баранок:
Для барашков, для овечек:
ДЕСЯТЬ маковых колечек,
ДЕВЯТЬ сушек,
ВОСЕМЬ плюшек,
СЕМЬ лепёшек,
ШЕСТЬ ватрушек,
ПЯТЬ коржей,
ЧЕТЫРЕ пышки,
ТРИ пирожных,
ДВЕ коврижки
И ОДИН калач купил —
Про себя не позабыл!
А для жёнушки —
Подсолнушки.

Один и единица

Жил по имени Один
Одинокий гражданин
По соседству с Единицей —
Одинокою девицей.

Вот прошли за днями дни —
Познакомились они.
Один и Единица
Решили пожениться.

Вот сидят лицом к лицу,
Наряжаются к венцу.
И в таком счастливом виде
Подъезжают ко дворцу.

Только, чур, не целоваться,
Чур, сначала расписаться!

Расписалась невеста
Вот так – 1,
И жених, как известно,
Вот так – 1.

Хоть различны имена —
Подпись всё-таки одна!

Тут девица-Единица
И смеётся и дивится,
А Один девицу – чмок! —
Он теперь не одинок!

Вчера, сегодня, завтра

Как этого ЗАВТРА
Мы ждали ВЧЕРА!
Ура! Вот оно
И настало с утра!
Но что же такое
Настало с утра,
О чём мы на ЗАВТРА же
Скажем: – ВЧЕРА?..

Да это ж СЕГОДНЯ,
Его мы и ждали!
За спинами – удочки,
Жмём на педали.
И вот мы СЕГОДНЯ
Уселись у речки,
И в бульканье речки
Мы слышим словечки:
«ВЧЕРА – то, что было…
А ЗАВТРА – что будет»,
А с нами СЕГОДНЯ
Рыбёшки наудит,
И спать нас уложит,
И будет нам сниться…

Пусть наше СЕГОДНЯ
Подольше продлится!
Хотя бы немножко
Подольше продлится —
Ведь ЗАВТРА оно
Во ВЧЕРА превратится…

Адрес на ошейнике

Адрес на ошейнике
Выручит щенка:
Если потеряется —
Найдут наверняка.
Даже если пёсика
Украдут мошенники,
Уличит мошенников
Адрес на ошейнике:
Как увидят что к чему —
Всех разбойников – в тюрьму!

Но если потеряется ребёнок —
Тут беда!
Ребёночки в ошейниках
Не ходят никогда.
А если нет ошейника
И адреса на нём,
То как же драгоценную
Пропажу мы найдём?

…Волнуются прохожие,
Как близкая родня,
Такие все хорошие —
Жалеют все меня.
Я стою,
Я реву,
Я-то знаю, где живу:
«Дом пятнадцать, площадь Мира,
Двадцать первая квартира»,
Да сказать невмоготу —
У меня зефир во рту…

Адрес на ошейнике
Выручит щенка,
А я и без ошейника
Найдусь наверняка!

Любой прохожий выручит
Того, кто адрес выучит!

Где левая? Где правая?

– ЛЕВО руля!
– ПРАВО руля! —
Приказ отдаёт командир корабля.

Но если незнайка стоит у штурвала
И крутит незнайка штурвал
как попало —
То лодку отбросит ударом борта,
То чуть не утопит беднягу-кита!

Кричит: «Караул!» —
изумлённая чайка:
Где *лево*, где *право* не знает незнайка!

А сердце незнайки трепещет от страха
И бьётся – тук-тук —
под ладошкой, как птаха.
И стыдно незнайке, и некуда деться…
Так знай же, что *слева*
стучит твоё сердце!
И в сторону сердца штурвал корабля
Направь по команде: – ЛЕВО руля!

А как же *направо* корабль повернуть —
Уж ты догадаешься сам как-нибудь!

– А ну, покажи свою *левую* руку —
Как быстро же ты постигаешь науку!
– А *правая* где?
– На другой стороне!

Теперь в моряки ты годишься вполне!

Почему кругом загадки

Песенка почемучки

Почему кругом загадки —
Почему?
В роще, в поле и на грядке
Почему?
Почему не тут тутовник?
Не метёт полы половник?
Не шипит в саду шиповник —
Почему?

Почему весна бывает —
Почему?
Всех прохожих раздевает —
Почему?
Листья липы, как липучка,
На гамак похожа тучка,
Почему я Почемучка —
Почему?

Почему зима бывает —
Почему?
На носу снежинка тает —
Почему?
Почему сосульку лижешь —
А потом забудь о лыжах,
Только мамин голос слышишь:
– Почему? Ну почему?!

Почему кругом загадки —
Почему?
Целый день играют в прятки —
Почему?
Потому что, потому что
Без загадок было б скучно!
Почему я Почемучка?
Потому!

Загадки

* * *

Она туда, куда и ты,
Ни пить, ни есть не просит.
Но так боится темноты,
Что тут тебя и бросит.

(Тень)

* * *

Если дождь припустится —
Сразу он распустится,
Если дождик перестанет —
Он сожмётся и завянет…

(Зонтик)

* * *

Я капелька лета
На тоненькой ножке,
Плетут для меня
Кузовки и лукошки.
Кто любит меня,
Тот и рад поклониться,
А имя дала мне
Родная землица.

(Земляника)

* * *

Растут мои кудряшки,

Как шёрстка на барашке,
Но я всего лишь «кашка»
Для всякого барашка.

(Клевер)

* * *

Коза, которая стрекочет,
Чей взгляд сияет бирюзой,
Кто молока давать не хочет —
Не называется козой!

(Стрекоза)

* * *

Кто гостей встречать привык
Первым у порога?
Пальцем тронешь – сразу в крик!
Что за недотрога?

(Дверной звонок)

* * *

У меня приятель новый —
Ну такой пустоголовый!
Всё витал бы в облаках,
Да я держу его в руках.

(Воздушный шарик)

* * *

ПОЧЕМУ со мной с утра
Сплетница-подружка

Из соседнего двора
Говорит на ушко?

(По телефону)

* * *

Нельзя её пережевать,
Так незачем переживать!

(Жвачка)

* * *

Ну, кто готов
Свои две шпаги
Скрестить
Из-за клочка бумаги?
А увидят шёлк —
Сразу щёлк, щёлк, щёлк!

(Ножницы)

* * *

У него одно уменье —
Резать всё до отупенья,
Но на что годится
Эдакий тупица?!

(Ножик)

* * *

Головою отвечает
В доме он за чистоту,
Все соринки замечает

И сметает на лету.
Но стоять ему в углу,
Если чисто на полу.

(Веник)

* * *

Как будто я топчусь на месте,
А он летит со мною вместе,
И чем сильнее я топчусь,
Тем вместе с ним быстрее мчусь.
Но как на пень я наскочу —
В крапиву первым прилечу!

(Велосипедист)

* * *

Ежедневно, круглый год,
Утром, по привычке,
Эту книжку папа рвёт
По одной страничке.

(Отрывной календарь)

Песенки-загадки

* * *

Я на солнышко похож!
На цыплёнка тоже —
Только с этим крикуном
Меньше мы похожи.

Дунет ветер – я качнусь,
Устою на ножке,
А цыплёнка прямо в грязь
Может сдуть с дорожки.

Скоро стану я пушистым
Облачком, парашютистом,
И тогда куда хочу
От цыплёнка улечу!

(Одуванчик)

* * *

По виду я птица,
По имени – мышь,
Но кто я такая,
Не знаю, малыш.

Ах, если я мышка,
К чему эти крылья?
Я небом дышу,
А не комнатной пылью!

Но если я птица,
К чему эти ушки,
И хвост, и усы,
Как у мышки-норушки?

Но если я мышка,
Не знаешь ли ты,

Чего же за мной
Не летают коты?

Карл и Клара (сКАРРоговорка)

– Кто ты, Ворон?
– Карл! Карл!
– Крал кораллы?
– Крал! Крал!
А Ворона Клара
Мой кларнет украла.

Карла каркнула:
– Ты, Карл,
Макароны раньше крал!
Но кораллы, старый вор,
Красть у родственниц —
Позор!
В чём приду я на бульвар —
Карл?! Карл?!

– Зря кораллы берегла!
Где кларнет?!.
– Да продала!

– Карр!
– Карр!
– Карр!
– Карр!

И удрали друг за дружкой
Красть редиску на базар…

Бывает

Бывает и Ворона
Коронована.
Ну, значит та корона
Уворована.

Сорок сорóк (скороговорка)

Сорок сорóк,
Сорок сорочáт
Сорок сорочек,
Не ссорясь, строчат.
Сорок сорочек
Прострочены в срок —
Сразу поссорились
Сорок сорóк!

Когда деревья полетят

Когда мама поёт

Становится мама
Ну просто девчонкой —
Со взглядом лучистым,
С весёлою чёлкой:
Поёт – и стирает,
Поёт – и утюжит,
Поёт – и, зажмурясь,
По комнате кружит!

И кажется —
нет за окошком метели,
И вот соловьи на рябине запели,
Зелёные ветры
вернулись из странствий,
И озеро с лодкой целуется:
«Здравствуй!»

Все любят друг друга
И счастья желают,
И даже цепные собаки не лают,
И даже наш кот
Ни за что не зевнёт —
Когда моя мама поёт…

С днём учителя меня!

С Днём учителя меня
Поздравляла вся родня!

Вместе с Мамой кукла Катя
Сшила мне на праздник платье.

Мама делает пирог,
А у нас идёт урок.

Мы сейчас займёмся сказкой.
У картины я с указкой,
Все уселись на места,
Я к доске зову Кота:
Он же лучший ученик,
Он герой любимых книг!

– Эту сказку, – он сказал, —
Лично Пушкин написал:
«У Лукоморья дуб зелёный…»

Тут Папа внёс букет кленовый —
И стало весело в столовой:
А как зажёгся в люстре свет —
Салютом вспыхнул наш букет!

В День учителя меня
Поздравляла вся родня!

Мамин праздничный пирог
Съели весь – кто сколько смог,
А потом на радости —
И остальные сладости!

Тут я сказала: – Время спать,
Спокойной ночи! Всем в кровать!
Не вам вставать с утра пораньше,
Не вам тетрадки проверять…

Мяу!

Котёнок целый день мяучит —
Да это хоть кому наскучит!
Всё «мяу-мяу», «мяу-мяу» —
Сейчас он у меня получит!

А вдруг он слово МАМА учит —
Вот потому-то и мяучит!
Придётся нам помучиться,
Пока он не научится!
Мяу!

Очень хочется сестрёнку!

Рая плачет: – Не хочу я кашу!
Рая плачет: – Я себя измажу!
Рая плачет: – Не хочу гребёнку!
Рая плачет: – Я хочу сестрёнку!
Запихнула куклу в угол:
– Мне не надо ваших кукол!

Мама плачет: – Что ты за ребёнок!
Мама плачет: – Никаких сестрёнок!
Мама плачет:
– Вдруг сестрёнка тоже
Будет, боже, на тебя похожа!
– Ни за что! – сказала мама. —
Хватит мне, что ты упряма!

Рая сразу: – Больше я не буду!
Рая сразу вымыла посуду.
Рая мусор вымела на кухне.
Рая букли расчесала кукле.
Села с куклою в сторонку:
– Всё же хочется сестрёнку…

Мама сразу обнимает Раю.
Мама сразу: – Я не возражаю!
Ре-ше-но! Послушному ребёнку
Просто нужно подарить сестрёнку!
Пусть растёт она такая,
Как моя дочурка Рая!

Подарок

Спряталась Машенька —
Переживает:
Маме на праздник
Платок вышивает.

Что она любит?
Цветы полевые!
Вот васильки
Поднялись, как живые.

Вот незабудки —
Простые цветочки:
Мама посмотрит —
И вспомнит о дочке.

А над цветами —
Синяя птица.
Птица волшебная
Ей пригодится!

Вот уже крылья
Над лугом поднялись,
Чтобы желанья её
Исполнялись!

Как же сердечен,
Наряден и ярок
К празднику мамы
Дочкин подарок!

На кого же я похожа?

Мама ахнула:
– Ах, боже,
На кого же
Ты похожа?

Я, конечно, причешусь,
Спорить с мамой не решусь.

Вот вам и чёлка
В стиле «метёлка»…
Мама взглянула в трюмо
И замолкла.

Вот вам и платье —
Узнали его?
Мамин подарок
На Рождество.

Протёрла туфли
Щёткой,
Прошлась вокруг чечёткой —

И сказала:
– Ну, так что же,
На кого же я похожа?

И краснея, и любуясь,
Мы друг другу улыбнулись.

А у меня и ямочки
Такие, как у мамочки!

Осенние листья

Думают листья
В осенние дни,
Будто бы птицами
Стали они.

Только бы ветер
Подул посильней,
Только бы в небе
Догнать журавлей!..

Первый снег

Кто проснулся раньше всех?
Ну конечно, первый снег!
У него сегодня праздник —
Первый снег – как первоклассник,
Первоклассник-новичок,
Отложной воротничок!

Люди смотрят из окошек —
Первый снег!
Обгоняет всех прохожих
Первый снег!

И ведёт его сама
Через улицу Зима!

В магазине

Кто ж это любит валяться без толку —
Зря занимать магазинную полку?!

Клюшка кричит за спиной продавца:
– Эй, попроси хорошенько отца!
Это немыслимо! Это уж слишком,
Чтобы без клюшки остался мальчишка!

Санки ревут: – Мы умрём от жары,
Если сейчас же не съедем с горы!

Лыжи меня подозвали поближе:
– Знаешь, мы очень послушные лыжи,
Ночью сегодня нам снилась лыжня…

Славные лыжи теперь у меня!

Ночное приключение

Мы снежную бабу
Слепили вчера,
И шляпа у бабы
Была из ведра,
А нос – из морковки,
А руки – из палки,
Метла – из метлы,
А коса – из мочалки.

Но только домой
Разошлась детвора,
Чихнула она
И сказала: – Пора!

Ах, как она мчалась
С горы ледяной,
Консервную банку
Гоняла метлой,
Ловила снежинки,
Как бабочек, шляпой,
Коса развевалась
За снежною бабой!

…Мы снежную бабу
Искали с утра.
Нашли мы ведро
Посредине двора.
Нашли мы метлу
Возле старой беседки,
Морковку в снегу,
А мочалку на ветке.

Одни удивились:
– Вот это дела!
Другие сказали,
Что вьюга была.
И вскоре про случай печальный
Забыли
И новую снежную бабу слепили.

И только мальчишка один

Не лепил —
Он прежнюю
Снежную бабу
Любил.

Прощание со Старым годом

Несутся снежинки по улице,
Словно от страха,
Несутся снежинки, трепещет на ветке
Продрогшая птаха.
Спешит Старый год, словно мы
От себя его гоним,
Спешит, набивает мешки
Серебром прошлогодним.

Раз так – так пускай,
Так пускай забирает в придачу
И кашель, и насморк, и слёзы,
И все неудачи!
А счастье и радость,
А смех, что, как солнышко, весел,
Себе мы оставим и завтра
На ёлку повесим!

Прощай, Старый год!
Мы тебя всё равно не забудем.
С горы помаши рукавичкой
Домам, и деревьям, и людям.
Конечно же ты был ко мне
Не всегда справедливым,
Но всё-таки добрым,
И всё-таки мирным,
А значит – счастливым!

Новость

Все сегодня *новое*:
Лавочка садовая,
Новый двор, *новый* кот,
Новый дворник у ворот.
Белый мех на ёлочке —
Новенький, с иголочки!
Сел снегирь на сучок —
Ну, совсем *новичок*!
А разве не *новинка* —
Через двор тропинка?

Побегу по ней к воротам,
Людям *новость* подарю:
– С *Новым* годом!
С *Новым* годом!
С *новым* счастьем! – говорю.

Дымок

В синих сумерках
Деревня,
В синем инее
Деревья.
Словно маленький зверёк,
На трубе
Стоит
Дымок.

Новый-новенький год

Вот идёт
Новый год —
Новый-новенький год,
С новенькими днями,
С новыми вестями,
С новыми друзьями —
Поглядите сами!

Ох, и щедрый какой —
У него под рукой
Для всего света —
Зима и лето,
Весна и осень,
Милости просим!

Заходи, Новый год,
Заводи хоровод,
Раздавай гостинцы —
Телефон сестрице,
Малышам игрушки,
Друга подружке,
Здоровье больным
И всем остальным,
Щенка – Егорке,
А мне – пятёрки!

Пляшут у ёлки
Овечки и Волки
С Мышкой – Мишка,
С Жирафом – Мартышка,
А Мама без маски
Красива —
Как в сказке!

И сама сегодня я
Такая новогодняя!

Мороз на стекле

Увидел Художник
В морозном стекле,
Как бродит олень
По чудесной стране:
В сверкающем воздухе
Птицы парят,
Цветные фонарики
В окнах горят,
А там, где над морем
Клубятся леса,
Воздушный фрегат
Развернул паруса —
И вот получилась картина.

А тут Музыкант
Услыхал в тишине,
Как скрипки запели
В чудесной стране:
Наверно, гостей
Зазывали смычки,
Звенели, качаясь,
Домов колпачки,
И виден был всем
В серебристом луче
Седой дирижёр
На пустой каланче —
И вот получилась музыка.

Всё это однажды,
Встречая рассвет,
Увидел,
Услышал,
Придумал Поэт —
И вот получились стихи.

Письмо издалека

Вышла утром из угла
В белом фартуке Метла.
От крылечка на пробор
Причесала сонный двор.

Снег скрипит за поворотом —
Почтальон идёт к воротам:
– Очень рад,
Имею честь
Вам вручить
Лесную весть…

И Фонарь,
Что жил в беседке,
Прочитал письмо
Соседке:
«Здравствуй,
Матушка Метла,
Как здоровье, как дела?
Неужели ты зимой
Не воротишься домой?
Шлют поклон тебе
Деревья,
Наша речка
И деревня».

В синих сумерках Метла
Долго улицу мела…
Ах, когда-то не Метлою,
А Ветлой она была!

Только как домой уедешь —
Всё дела, дела, дела…

Гололедица

Гололёд-гололёд, гололедица —
Молодого Мороза наследница.
Вся деревня в бубенцах,
Все деревья в леденцах,
Все дороги в наледи —
Как тут выйти на люди?

Две румяные старушки
Так и виснут друг на дружке,
Ступить боятся
И ну смеяться!
Вот уж забава —
То влево, то вправо,
Ну, прямо как пьяные
Старушки румяные.

Гололёд-гололёд, гололедица —
Ах, как славно на валенках едется!
Никогда у детворы
Лучше не было горы,
Никогда у детворы
Лучше не было поры!

Всех, кто стар,
Всех, кто мал,
Гололёд околдовал!
И летают, как во сне,
Дед с вязанкой на спине,
Коромысла с вёдрами
Да хозяйки с мётлами,
А хвостики у поросят,
Как пропеллеры, трещат,
Полетали и – хлоп! —
Пятачками в сугроб!

Гололёд-гололёд, гололедица —
Вышла в небо Большая Медведица,
Поскользнулась под луной —
Едет с горки ледяной.

Когда деревья полетят

Пушистые на крышах
Притихли облака.
Пушистые сугробы —
Покатые бока.

В пушистой шубке дочка
Катается с горы.
Пушистые деревья
Похожи на шары:

На лёгкие большие
Воздушные шары,
Готовые покинуть
Все парки и дворы!

Давно им надоело
В сугробах ночевать.
Им так по белу свету
Хотелось кочевать!

С притихшими домами
Прощаются они —
На солнце золотые
И синие – в тени.

И лишь потянет ветер
Чуть в сторону и вверх —
Они над площадями
Взлетят как фейерверк.

И поплывёт по небу
Цветной волшебный свет.
Глядят деревья в небо,
А ветра нет и нет…

Как снеговик колдует

Старик-Снеговик
Головою поник,
Он тихонько дует,
Сам себе колдует:

– Я подую-подышу,
Подышу,
Я весь город простужу,
Простужу,
Закружу в снегу дома —
И опять придёт зима!

Но по лужам мчат машины,
Блещут окна и витрины,
Верещит ручей, трепещет —
Чернокрылый, словно стриж!
Каплет с крыш —
Гуляют капли
Длинноногие, как цапли,
И в резиновых сапожках
Мимо топает Малыш.

Совсем Снеговик
Головою поник.
Говорит он Малышу:
– Я тебя не простужу…
Подойди ко мне, дружок,
Из меня слепи снежок,
Выше ёлок,
Выше крыш
Запусти меня, Малыш!

До свиданья! Улетаю —
Таю-таю-таю-таю…

Март

Звон голубой
Над полем, над лесом,
В каждой сосульке
Под нашим навесом,
Над рыхлым сугробом,
Над мокрой тропой,
Над старым колодцем,
Над каждой трубой,
Надо мной,
Над тобой —
Голубой, голубой
Звон, звон,
Сон, сон,
Синь, синь,
Тень, тень,
День звенит, весенний день:
День-день-день-день…

Кто как встречает Новый год

Заяц на маскараде

Заяц в маске мартышки
Без конца хохотал,
Будто Зайца под мышки
Дед Мороз щекотал.
Заяц, в зеркало глядя,
Счастлив был оттого,
Что на бал-маскараде
Не узнают его!

И, примчавшись на праздник,
Где гремел карнавал,
Строил рожи, проказник,
Как мартышка скакал.
Вместе с Мишкой вприпрыжку
Проплясал полонез,
А потом, как мартышка,
Вдруг на фикус залез.

Тут ему обезьяны
(А верней – три Лисы)
Предложили бананы
Небывалой красы.
– Как на нас вы похожи!
– Не пора ли вам слезть?!
– Ах, мы лакомки тоже —
Так давайте же есть!

Заяц (то есть мартышка)
Съел четырнадцать штук
И сказал: – Это слишком
Несъедобный продукт!
После вашей закуски
Не хотите ль, мадам,
Я вам свежей капустки
С кочерыжкой подам?

Рассмеялись Лисицы:
– Лучше зайцу отдай! —
И бегом веселиться:
– Эй, Мартышка, гуд бай!

Тут поднял его Мишка
Прямо за уши: – Стой!
Так она ж… не мартышка!
Так она же… Косой!
Хохотали соседи,
Дед Мороз хохотал!
Заяц шепчет Медведю:
– Как меня ты узнал?

И обнял его Мишка,
И под ёлку ведёт:
– Встретим вместе, глупышка,
Наступающий год.
Можешь вдоволь кривляться,
Но скажу по душам,
Что такого красавца,
Длинноухого Зайца,
Узнают по ушам!

С Рождеством, Снегурочка!

Мчатся саночки Снегурочки,
Чтоб успеть под Рождество
Все объехать закоулочки,
Не обидеть никого!

А Медведице не верится,
Кто стучится – не поймёт!
– С Рождеством тебя, Медведица,
Вот тебе цветочный мёд!
Медвежата – ах, проказники! —
Лезут лапами в горшок
И впервые видят праздники,
А на ёлочках – снежок.

И на стук Бобриха вылезла,
Для бобрят взяла дары,
А прекрасной гостье вынесла
Кружку клюквы из норы.

Возле речки встали саночки —
Нет, совсем не просто так:
Рыбки здесь играют в салочки,
А на дне зимует Рак.
Вылез Рак на зов Снегурочки —
Век зимы он не видал,
Попросил кусочек булочки:
– Спать пора! – сказал Снегурочке
И клешнёю помахал.

А Снегурочка объехала
Всю земную красоту,
Даже белочек орехами
Одарила на лету.

Будут саночки скользящие
Всё звенеть в счастливом сне.
Спите, спите, звери спящие,
Просыпайтесь по весне!

Новогодний матч

Две розовые Хрюшки
Катались на катке.
Две новенькие клюшки
Стояли в уголке.
Две бабушки Хавроньи
Две клюшки стерегли.
Две бабушки Хавроньи
Два торта испекли.

Придумали старушки:
Когда куранты бьют,
Получат Хрюшки клюшки
Под праздничный салют!

– Пора! – кричит Хавронья.
– Пора! – кричит сестра.
– Хрю-хрю, двенадцать ровно!
Куранты бьют! Ура!

И получают Хрюшки
Две новенькие клюшки!

Но чья это команда
Гогочет во дворе? —
Гусиная команда,
Готовая к игре!
Гусиная команда
Уже летит на лёд,
И клюшек им не надо —
Крыло не хуже бьёт!

И завертелась шайба,
И бой идёт всерьёз,
Вот только не мешал бы
Судья – дворовый пёс!

Две розовые хрюшки
Обводят всех гусей,
Две толстеньких старушки
Визжат: – Да бей же! Бей!

Бросок! – и шайба в сетке!
Закончена игра,
А то бы все наседки,
И прочие соседки,
И маленькие детки
Не спали до утра!

Всех мудрые Бабуси
Хвалили от души:
– Ах, как сражались гуси!
– И наши хороши!

Глядят Хавроньи гордо,
Как быстро тает торт,
Поскольку лучше торта
Бывает только спорт!

Круче всех волшебников!

Ждали мы его с утра,
Ждали-дожидались…
Все ребята со двора
У ворот собрались.
Вдруг в подъезде разнеслось
Весело и гулко:
– Эй, полундра! Дед Мороз!
Да ещё Снегурка!

Тут-то всё и началось!
Как с придворной дамой,
В красной шубе знатный гость
Закружился с мамой.
И мой брат пустился в пляс
Позади Снегурки —
Отвести не в силах глаз
От её фигурки.

Только мне не до него —
Не до песен старых:
Скоро ль будет волшебство?
И какой подарок?

Дед Мороз говорит:
– У тебя печальный вид…
Ты и чай не пил и даже
Не попробовал бисквит.
Тут он дёрнул за тесёмку
И слегка раскрыл котомку,
И достал он из котомки —
Что б вы думали? —
Котёнка!
– Ты о нём мечтал?
– Ну да!
Я о нём мечтал всегда!

На котёнка моего
Смотрят все игрушки,
На живое волшебство
С пятнышком на ушке.

Тут он лужицу «пустил»,
Ну а я его простил…

Правда, мне сушить пришлось
Несколько учебников…
Всё равно наш Дед Мороз
Круче всех волшебников!

Гостья новогодняя

Как всегда под Новый год
Наряжается народ:

Петушок в сапожках,
Курочка в серёжках,
Овечки в кудряшках,
Гуси в тельняшках,
А у каждой Хрюшечки —
Кружева и рюшечки.
И у Коровы —
Тоже обновы:
Заграничные очки,
С каблучками башмачки.

Но уже пора! Пора!
Всё кругом замолкло:
Среди нашего двора
Засияла ёлка!

Тут-то через огород
Перелезло Чучело:
– В одиночку Новый год
Мне встречать наскучило.
Проявите доброту,
Приютите сироту…

Были с гостьей все добры,
Приносили ей дары,
И обули, и одели,
Вместе пили, вместе ели.
– Ах, – сказала Хрюшечка, —
Ты такая душечка!

Но уже её ведёт
Сам Козёл на хоровод —
Наш Козёл – за Дед Мороза
На гуляньях в Новый год.
Так он перед чучелом
В пляске отчебучивал,
Что и чучело-юла
Позабыла, кем была!

Танцующая ёлка

Надевай скорее маску,
Забегай скорее в сказку,
Где цветной волшебный снег
Опускается на всех!

Пляшет Ёжик
Возле ёлки,
В серпантине
Все иголки:
– Ах ты, Ёж,
Милый Ёж,
На кого же
Ты похож?!

– На кого,
Да на кого,
Да на себя на самого!

Что тут спрашивать
Без толка,
Я – танцующая ёлка!

Тут захлопали хлопушки,
Словно праздничные пушки,
И у Ёжика – да, да! —
Как на ёлке,
На макушке
Ярко вспыхнула звезда!

Снова музыка и смех.
Ёж смеялся громче всех!
За окошком тихо падал
Новогодний первый снег…

Посреди полярных вьюг

Где зимуют радуги?

– А куда уходят радуги зимой?
Не уходят, а летят к себе домой —
В Заполярье, как жар-птицы,
Как вечерние зарницы!

Было лето, много света,
И они гуляли где-то,
Вместе с вами за грибами —
Кто на Волге, кто на Каме,
Кто купался в Ладоге,
Но вернулись радуги.

– А куда вернулись радуги зимой?
– В наши снежные края —
к себе домой!

То-то радость – сколько радуг
В пёстрых шёлковых нарядах,
Праздничные, яркие,
Как толпа на ярмарке!

А какое им придумали название!
Их зовут у нас «полярные сияния»!

Под цветными небесами
Мчатся сани вместе с нами,
Вниз – и вновь под небеса,
Хоть зажмуривай глаза!

…И опять наступит лето,
И отступят холода,
Наши радуги на лето
Разлетятся кто куда:
Озарять вам путь-дорожку
К синей речке, в лес грибной…

Погостят у вас немножко
И вернутся к нам домой.

Оленёнок

Слегла олениха
Да так и не встала.
У оленёнка
Мамы не стало.

Я его глажу.
С ладони кормлю.
Я его очень,
Очень люблю.

И всюду за мной
Он скачет упрямо.
Пусть думает он,
Что я – его мама.

По морошку

По морошку!
По морошку!
Выпей чаю на дорожку
Да тропинкою заветной,
Одному тебе приметной,
Через сопку,
Через речку —
К заповедному местечку!

По теплу
Да по морозцу —
К заповедному болотцу,
Где на солнышке рассветном —
Ещё вешнем,
Уже летнем —
За сторожкой
На болотце
Вся морошка
В позолотце!

Из ладошки да в лукошко
Собирается морошка.
Не спеша да понемножку
Наполняется лукошко.

Ах, морошка-тонконожка,
В зябких капельках морошка,
Ты качаешься, сверкаешь,
Словно мамина серёжка.

Заполярной долгой ночью
Ты вареньем нас попотчуй,
Всеми запахами лета,
Блеском солнечного света,
Золотой искринкой
С озорной кислинкой!

Как хвастались песцы

Пришли мы как-то в детский сад
Для маленьких песцов.
Там целый день песцы пищат
На тыщу голосов!

Заглянет солнце к ним во двор
Или закружит снег —
Никак они не кончат спор:
Чья шуба лучше всех?

Один пищит: – Моя пышней,
Пышней, чем у бобра!
Другой кричит: – Моя ценней,
В ней больше серебра!

А кто-то хвастался хвостом —
Мол, вот где красота!
За что потом, за что потом
Остался без хвоста.

А самый маленький ворчун
С досады крикнул всем:
– Зато я, если захочу,
Всех больше рыбы съем!

На птичьем базаре

На Севере – там,
Где гнездятся гагары,
Бакланы, пингвины и стаи гусей,
Где деток балуют семейные пары —
Весной открываются птичьи базары
И птицы к себе зазывают гостей.

На птичьем базаре гагары орут,
Гагары гагарам товар продают:

«Бесплатно малина!» —
«Бесплатно маслины!» —
«Кому ананасы?» —
«Кому апельсины?»

«Арбузы, арбузы из Тафалара!»
«Почём же арбузы?» —
«Штука – задаром».

«Ох-ох, вот так плата —
до-ро-го-ва-то!
Вот если б задаром вы продали пару!»

Приплыл я однажды на птичий базар —
Торгуются птицы, но где же товар?

Не видно на скалах
ларьков и прилавков,
Зачем же, скажите, устраивать давку?

Гогочут гагары: «Да он же слепой!
Да наши товары увидит любой!
Тут даже не надо и зренья —
Лишь было бы во-о-бра-женье!
Мы можем задаром купить
и продать…»
«Но если задаром —
зачем же орать?!»

«Вот это и нам непонятно.
Но знаете – очень приятно!»

Удивительный кот

На свете живёт
Удивительный Кот —
Ни сала, ни сливок
Он в рот не берёт,
Не лазит с котами
На чёрный чердак,
Не ловит мышей,
Не боится собак,
Во сне не мурлычет,
И я никогда
Не видел, чтоб кто-нибудь
Гладил Кота.

– Позвольте, – мне скажут, —
Да где он живёт,
И кто же он —
Ваш удивительный Кот?
В каком же дворе
Вы встречали его?
Из ваших стихов
Не понять ничего!
Пока не придёте со зверем,
Мы вам ни за что не поверим!

– Ах, вот вы какие!
Прошу вас садиться
В подводную лодку
На этой странице.
В двенадцать ноль-ноль
Погруженье —
Скорей принимайте решенье!

– Он что – утонул,
Удивительный Кот?
– Он просто на дне
Океанском живёт!

Вода холодна,
Зелена темнота.
По правому борту
Я вижу Кота!

Смотрите, травинку
Жуёт на песке,
Смотрите, отправился
В гости к треске,
Смотрите, смотрите
На хвост у Кота —
У наших котов
Нет такого хвоста!

Зубатка связаться
С Котом не посмеет —
Хвостом, как мечом,
Он сражаться умеет,
Умеет
Рассказывать сказки хвостом:
Помашет, помашет —
Такое расскажет,
Что рыбы неделю
Смеются потом.

А сказки о том,
Что на свете живёт
Какой-то совсем
Удивительный Кот:
Гуляет по крышам,
Боится воды —
Живут же на свете
Такие коты!

Что на что похоже

Это что же? Это что же
Всё на что-нибудь похоже!

Ель похожа на пингвина:
По бокам ветвями бьёт,
Будто вылезла на льдину
И товарищей зовёт.

А вот гора. И вот гора.
Получилось чудо:
Две горы, как два горба
Спящего верблюда.

Над ними облака спешат,
Похожие на медвежат.

Похож на бабочку «Букварь»,
Раскрытый на окне.
На ландыш – уличный фонарь,
Он чуть кивает мне.

И я над бабочкой сижу,
На эти ландыши гляжу.
На что похоже это?
Конечно же, на лето!

Посреди полярных вьюг

Посреди полярных вьюг
Вдруг попали мы на юг,
Где малыш за малышом
Лезет в воду голышом.

Сняли шубы мы и шапки,
Взяли шапочки и тапки,
И отправились на пляж,
И увидели пейзаж:

Там, где место для купанья —
Вышки, лавочки и пальмы,
Берега из кафеля —
Ну и география!

На пузатом крокодиле
Две девчонки к нам подплыли:
– Что, трусишки, трусите,
Держитесь за трусики? —

Мы девчонкам говорим:
– Мы не трусим, а стоим.
Старшие мальчишки
Заняли все вышки…

А за окнами прохожий
Поскользнулся на бегу —
У меня мороз по коже,
Будто я лежу в снегу.

Нет, у нас другое дело —
Я в бассейн ныряю смело,
– Плюх! – ещё один прыжок —
Рядом фыркает дружок.
Мы плывём, не беспокоясь:
Здесь воды всего по пояс,
Ничего, что ты ногой
Оттолкнёшься раз-другой.

А захочешь – отдохни
Хоть под пальмою в тени,

Уплетая завтраки,
Как туземцы в Африке.

Снова будет снег и холод,
Но в субботу, как всегда,
Мы поедем через город
На трамвайчике сюда,
Чтобы вдруг попасть на юг
Посреди полярных вьюг.

Он сверкает – весь в снегу —
На скалистом берегу.
И наверно, каждый сейнер,
Каждый вахтенный моряк,
Этот свет в окне бассейна
Принимает за маяк.

Разговор с приятелем

Сказал приятель мне: – Прости,
Но что за ерунда
Про всяких птиц и про зверей
Писать в твои года.
Ты всюду видишь чудеса,
Но нет чудес, поверь:
Не может птица говорить,
Дружить со зверем зверь!

И я ему ответил так:
– Ты просто слеп и глух!
Об этом мне вчера сказал
На улице Петух.
И это подтвердил Пингвин
В присутствии моржих.
А если ты не веришь мне —
Пойди спроси у них.

Но если звери промолчат
Или зевнут в ответ,
То значит, говорить с тобой
У них охоты нет!

Стихи, посвящённые другу

Хотел подарить
Я другу коньки,
Да только коньки мои
Чуть велики,
Чуть велики для друга.

Хотел подарить
Свой новый бушлат,
Но он ему тоже
Великоват,
Великоват для друга.

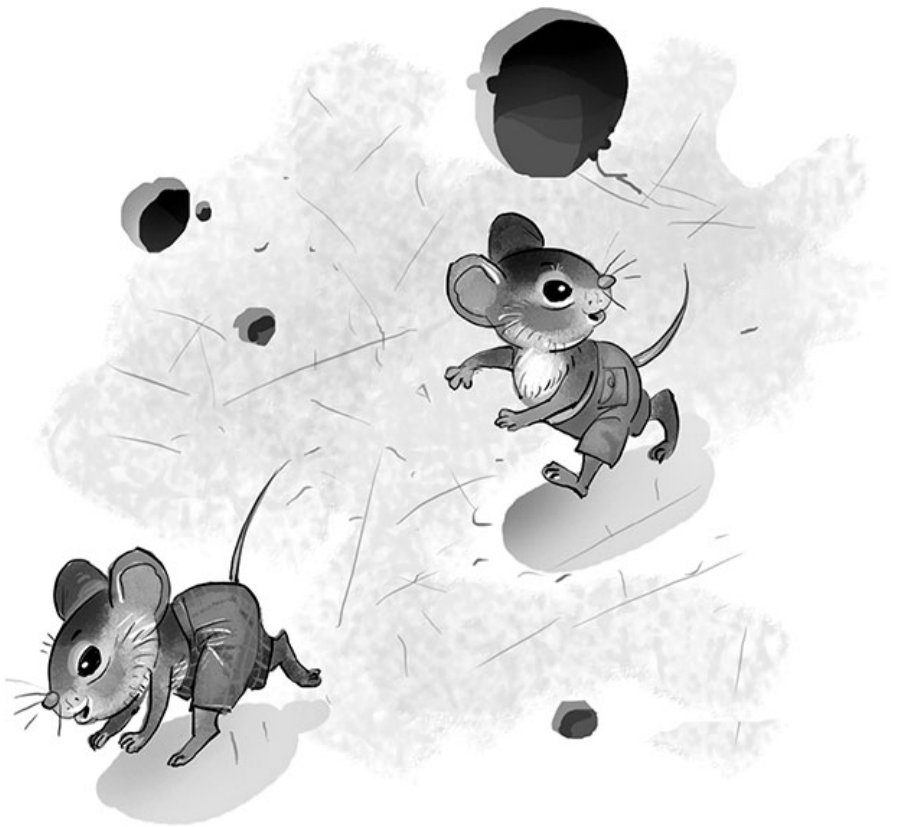
А клюшка и сабля
Есть у него.
А больше и нет
У меня ничего.
А именно завтра
Его день рождения —
Такое вот невезение!

И ночью я вдруг
Придумал стихи,
Проснулся – и сразу
Придумал стихи,
Стихи, посвящённые другу.
И были они
Просты и легки,
И падали тихо
Серёжки с ольхи
В стихи, посвящённые другу.

С раскрытой тетрадкой
Всю ночь на окне
Сидел я, как Пушкин,
Один. В тишине.
И рифмы, как птицы,
Слетались ко мне
В стихи, посвящённые другу.

Я утром тетрадку
Подсуну под дверь —

Он эти стихи
Прочитает теперь
И скажет,
Что лучшего друга и нет!
И скажет:
– Мой друг – настоящий поэт!
И скажет:
– Конечно, немало помарок,
Но это – лучший подарок!



Башмачный кораблик

Мечтают о море
В болоте лягушки,
Мечтает
Задумчивый ёж на опушке,
Мечтает петух,
Не слезая с насеста, —
Мечтают о море,
А сами ни с места,
Мечтают, а сами ни с места!

И лишь два мышонка
В дорогу пустились —
С уютною маминой
Норкой простились,
Скатились с горы
Два хвостатых клубочка.
И вот уж ручей
И замшелая кочка,
Короче, решились – и точка!

Звенят, разбиваясь,
Как блюдечки, льдинки.
Дрожат от испуга
Две серые спинки.
На маленькой кочке
Лежит одежонка.
У берега тонут
Два серых мышонка,
Два серых упрямых мышонка.

Но в жизни порою
Случается так,
Что выручить может
В беде и башмак:
Кружился башмак
Среди всякого сора,
Как будто надетый
На ногу танцора,
На лёгкую ногу танцора.

Что нужно для счастья?

Лишь ветер попутный,
Башмачный кораблик,
Большой и уютный,
Да чтоб камышинка
Для мачты попалась —
Да парус кленовый,
Потрёпанный парус,
Шнурочком подвязанный парус!

Лоскут, на котором
Не смылись полоски,
У всех на глазах
Превратился в матроски.
– Свистать всех наверх! —
Капитаны пищат
И сами команду
Исполнить спешат,
И дело пошло у мышат!

Глазеют с кустов
Воробьиные стайки,
Бельё полоскать
Перестали хозяйки,
А рыжий котище,
От злости урча,
Зажмурился, чтобы
Не видеть ручья,
Ни храбрых мышат, ни ручья!

Вливается в речку
Ручей у опушки,
Грохочет о камни
Страшнее, чем пушки.
Но если вы храбры,
К тому же и ловки, —
Вам сущий пустяк
Миновать мышеловки,
Любые – ха-ха! —
Мышеловки.

Совсем расхрабрились
Два серых мышонка,
Обнявшись, поют они
Песенку звонко.

Была очень длинною
Песенка эта,
Но я лишь запомнил
Два первых куплета,
Припев и два первых
Куплета:

«Не боимся мы китов,
А тем более котов,
Гей! Гей! Гей!
Хоть они на нас косятся,
Хоть они собой гордятся,
А в матросы не годятся,
Гей! Гей! Гей!»

Но речка, как песенка,
Кончилась вскоре.
Качает кораблик
Свирепое море!
Крылом перебитым
Висит камышинка…
Ах, чьи это ушки
Торчат из ботинка?
Представьте – такая картинка!

Два серых мышонка
До нитки промокли,
И капли дрожат
На усах, как бинокли.
Друг дружке усы
Подставляют два братца —
Пора в обстановке
Морской разобраться,
Давно бы пора разобраться!

Смеются над ними
Бакланы и чайки:
– Чего же вы петь
Перестали, зазнайки?
Случайно, не в рот ли
Набрали воды?
…Ах, вдоволь мышата
Хлебнули беды —
Не только солёной воды.

Шёл по́ морю лайнер
В тот миг роковой,
Кипела вода
За высокой кормой.
Но прямо по курсу
Сквозь грохот и гул
Услышал старпом
За бортом: «Караул!»
Пищат за бортом: «Караул!»

Взлетел бело-красный
Спасательный круг,
Туристы на палубе
Ахнули вдруг,
А кок, без присмотра
Оставив жаркое,
Всех с ужасом спрашивал:
– Сколько их? Двое?
Ах, двое? Ну, дело другое…

Два серых мышонка
Не верят в спасенье,
Чихают и просят
За это прощенья.
Гремит в мегафон
Капитанский приказ:
– Мышат накормить
И оставить у нас! —
Таков капитанский приказ.

Живут с той поры
Два мышонка на судне,
По нраву мышатам
Матросские будни.
Письмо из Нью-Йорка,
Открытку с Мальорки
Несут почтальоны
В мышиную норку,
В далёкую мамину норку…

А где-то мечтают
В болоте лягушки,
Мечтает

Задумчивый ёж на опушке,
Мечтает петух,
Не слезая с насеста, —
Мечтают о море,
А сами ни с места,
Мечтают, а сами ни с места!

Приглашение на уху

1

По макушку в траве
Шагал утёнок по тропе,
Не спеша, вразвалочку,
Утром на рыбалочку.

Он машет шляпой Петуху:
– Приглашаю на уху!
Кланяется Пастуху:
– Приглашаю на уху!
Повстречал Корову —
И Корове снова:
– Приглашаю на уху,
Приходи, Корова!

Всех он в гости зовёт
И объясняет, где живёт:
Дескать, милости прошу
К нашему шалашу!

А все ему:
– Спасибо,
Желаем вам добра
И много-много рыбы,
Ни пуха ни пера!
А вечером-вечерком —
Колечки над костерком,
Да маленький огонёк
В костерке,
Да меленький окунёк
В котелке.

А хозяин ходит с веничком,
Подпоясанный передничком,
Ходит да покрякивает:
– Кря-кря-кря!
В котелок заглядывает:
– Зря-зря-зря!
Ах, чтоб я утоп,

Забыл про укроп,
Откровенно говоря,
Зря!

А гостей-то гостей —
Что сорочьих новостей!
Пастух с Петухом
На Корове верхом,
Гусь в тельняшке,
Индюк в упряжке,
Пятьдесят поросят
На мамаше висят,
Да один пешком,
Да Козёл с мешком —
Рога во лбу:
«Сторонись, зашибу!»
Да наседки-соседки,
Да Бабка с Кошкой,
Баран с гармошкой —
Да каждый с ложкой!

Ложки-то есть,
Да есть ли поесть?
А уж Гусь в котелок заглянул:
– Ха-ха-ха!
Разве это уха? Не уха —
Чепуха!
И все гости вокруг:
– Ха-ха-ха!
– Хрюки-хрюк!
– И смех и грех —
Окунёк на всех!

Козёл – так тот
Осерчал совсем.
– Я ухи, – говорит, —
Вообще не ем.
Собрался, – говорит, —
Утром в баню я,
Глядь – бегут.
Ну и я за компанию!
А тут ни зелья тебе,
Ни то ни сё,
Надоело всё!

У меня, – говорит, – ощущение,
Будто я козёл отпущения!

Вздохнул Козёл:
– Ну, я пошёл…
Ах ты, что за наказание —
Где хозяин?
Нет хозяина!
Ни в цветах, ни в камыше,
Ни в рыбацком шалаше.

А Утёнок как раз
Собрался топиться:
Не хочет никто
С ним теперь водиться!
Без ума доброта —
Одна маета!

Слеза за слезой
Как звезда за звездой,
А сам-то, гляди,
Такой молодой,
Такой молодой —
Бух! – и в омут головой!

Хорошо ещё, чуть тёпленького
Удалось спасти утопленника!
Да по правде сказать,
Никогда и нигде
Не тонули утята в воде!
Тут Утёнка положили
На траву у костерка,
Пожурили, обсушили,
Дали выпить два глотка
Ушицы душистой.
– Будь здоров, пушистый!

А Утёнок за своё:
– Ах, мне больше не житьё!
Уж вы меня бросьте,
Дорогие гости…

Но кто-то сказал,
Быть может, Корова:

– Я счастлива, честное слово…
Такой удивительный воздух
В таких ослепительных звёздах!

И кто-то ответил:
– Едва ли
Мы раньше такое видали…

И все посмотрели
На луг и на речку,
На дым, что летит
За колечком колечко,
На звёзды, что в небе
Дрожали слегка
И падали
Прямо на дно котелка…

И кто-то тихонько запел,
Как умел,
И сам подивился тому,
Что запел.
Тихонько
Баран заиграл на гармошке,
И в такт
Потихоньку защёлкали ложки,
Петух голосил,
Гребешок возносил…

А Утёнок к огню
Хворостинки носил
Да подкладывал:
– Кря-кря-кря-кря!
Да поглядывал:
– Зря-зря-зря-зря!
Ах, чтоб мне лопнуть,
Ведь мог утопнуть —
Откровенно говоря,
Зря!

Пахло мятой луговой,
Месяц плыл над головой.
Ночь тепла и тиха.
Хороша была уха!

2

3

4

5

Почтовая история

Один полярный лётчик
Письмо мне показал.
– Какой печальный почерк! —
Я с ужасом сказал. —
И грустные помарки,
И грустный-грустный слог,
И грустный – вместо марки —
Берёзовый листок!

Хоть верьте, хоть не верьте,
Но вот оно само —
В берестяном конверте
То самое письмо:

«Белые мишки,
Бедные мишки!
О вашем страшном горе
Узнали мы из книжки.
Как сообщает пресса,
Живёте вы без леса,
Одни на голой льдине,
Где вьюги да мороз,
Где мёда нет в помине,
Ромашек и стрекоз!..

О, на этом месте мы горько плачем
И не можем писать в рифму!..

Мы шлём с приветным словом
Вам пять больших конфет —
На каждой нарисован
Семейный наш портрет.
А также шлём посылку:
Солому на подстилку,
Вязанку хвойных веток,
Валенки для деток
И напоследок —
Целую колоду
Липового мёду!
Ваши бурые родственники».

– А что же дальше? – я спросил.
– А вот что, – лётчик пробасил. —
Прошло три месяца с тех пор —
Пришло письмо в сосновый бор:

«Бурые мишки,
Добрые мишки,
Наши шоколадные
Сестрёнки и братишки!

Как видно на картинке —
У вас кругом ни льдинки,
Над вами днём и ночью
Скрипят-гудят леса,
Как порванные в клочья
На мачтах паруса!
О, на этом месте мы громко плачем
И не можем писать в рифму!..

Письмо мы пишем дома,
При звёздах, у окна.
Спасибо за солому —
Она была вкусна.
И валенки, и валенки
Без дела не лежат —
Мы сделали в них спаленки
Для наших медвежат.

А липкий мёд – ну так хорош!
Им что ни склей – не оторвёшь.
И мы вот этим клеем
Сейчас письмо заклеим.

Мы высылаем пять мешков
Сосулек свежих и снежков,
Коньки, моржовые клыки,
Полярной станции флажки,
Мороженую рыбу,
Мороженого – глыбу
И целую бочку
Рыбьего жира!
Ваши белые родственники».

– С тех пор, – сказал мне лётчик, —

И в дождик, и в мороз
Мешков, посылок, бочек
Я много перевёз!
И много писем привозил,
А два – на память попросил.
Пускай прочтут их в книжке
Девчонки и мальчишки.

И лётчик взял под козырёк:
– Лечу на Север, путь далёк.
Спешу, простите, служба, —
Заторопился он.

Как славно, что у дружбы
Есть верный почтальон!
Как славно, что на свете,
Невзгодам вопреки,
И белые медведи,
И бурые медведи,
И взрослые, и дети
Друг другу так близки!

Тарнаккай (По мотивам чувашской сказки)

1

Посерёдке земли,
В деревеньке Шигали́,
Посерёдке деревеньки
Ел мужик в избе вареники.

А жёнушка —
Шёлк, шёлк,
Подсолнушки —
Щёлк, щёлк,
Шелуха висит со щёк.

А меж них посерёдке —
Наследничек,
В простокваше да каше
Передничек.
Сидит за столом —
Журавель журавлём!

Няньки-то ложки
Суют ему в рот —
Усатый детина
На нянек орёт:
– Не хочу ням-ням,
Ступайте к свиньям!

Топнет ножкой,
Хлопнет ложкой,
Лобик сморщится гармошкой —
Страх!

Он и в школу не ходил,
Он и книжек не читал,
А мамашу свою почитал…
Вот однажды у них
Загорелся сарай —
Прятать угли в сарае
Любил Тарнаккай.
Стал он щёки раздувать,

Стал он пламя задувать.
А пламя всё пуще,
А дыму всё гуще.
Ох, не жить дураку бы на свете,
Да на шум прибежали соседи,
Загасили водой
Головешки,
Окатили наследничка в спешке.

А мамаша сыночка корит:
– Ты не дуй, где горит! —
Говорит. —
Ты водой, – говорит, – заливай.
– Вона что! – говорит Тарнаккай. —
Уж в другой-то раз
И залью как раз!
Как-то летом сосед
Кабана заколол
Да пожарче огонь
На жаровне развёл.

На крюках кабан висит.
На углях жирок шипит.
А хозяин около
Точит нож:
– Ох, и будет окорок
Мой хорош!

Тут с ведром через двор
Тарнаккай во весь дух:
Воду – бух! – на огонь,
Тут огонь и потух.
А хозяин в обморок:
– Пропадай, мой окорок!

Налетела вся родня
На дурака —
Получил он
Три здоровых тумака.

А дома мамаша
Сыночка корит:
– Надо было
Не угли тушить, – говорит, —

А сказать: «Бог в помощь,
Кузьма Пахомыч,
Приятного аппетита!»
А ты-то, а ты-то…
В поле вёз
Мужик навоз,
Да застрял в канаве воз.
Колесо, как назло,
Отвалилось,
Вся поклажа
В канаву свалилась.

Тут бежит к нему навстречу
Тарнаккай с такой речью:
– Эй, бог в помощь, мужичок!
Что стоишь, как сморчок,
Что глядишь сердито?
Приятного аппетита!

А мужик-то обиделся —
Хвать дурака,
Да ещё подхватил
Дурака под бока,
Да в канаву с головой:
– Ах, такой-рассякой,
Приятного аппетита!

И снова мамаша
Сыночка корит:
– Ох, нашёл, что сказать мужику! —
Говорит. —
Ты сказал бы мужику:
Мол, давай помогу!

И ставит сыночку
Из шалфея примочку.
Мчалась свадьба
Вдоль усадьбы
С бубенцами под дугой.
Обнимал жених невесту
Разудалою рукой.
Целовал – чмок, чмок —
Промеж пухлых щёк
В губки аленькие,

Ма-а-а-ленькие!

А Тарнаккай на бегу
Кричит жениху:
– Давай помогу,
Ну, давай помогу,
Ей-же-ей помогу,
Я ведь тоже могу!

Кулаком его жених поцеловал,
А бедняжка с поцелуя – наповал!

И снова мамаша
Сыночка корит:
– Уж лучше бы вовсе молчал! —
Говорит. —
Уж ежели свадьба —
Так надо плясать бы,
Да хлопать в ладошки,
Да играть на гармошке!

А Тарнаккай мамаше:
– Я ведь был не знамши…
А теперь я учён —
Мне хоть что нипочём!
Поглядел Тарнаккай из ворот:
– Ох, куда это прётся народ? —
Видит —
Поп как поп.
Видит —
Гроб как гроб.
Тут дурак в ладоши – хлоп!

Да с гармошкой —
Под окошком,
Каблучки стучат
Горошком:
– Эх-ма, эх-ма,
Выходи плясать, кума!

Что тут было —
Ни в сказке сказать:
Дурака-то оглоблею – хвать!
Поп грозит

Перстом,
А тузит
Крестом.
А в гробу покойник
Завопил: – Разбойник!!!
Целый год Тарнаккай
На печи отходил,
Пил с малиною чай,
Никуда не ходил.
Через год говорит он мамаше:
– Мамаша!
Так что дело выходит
Неважное наше.
Просто дело совсем
Никудышное наше.
Опостылело всё мне,
Как манная каша!
Вы бы в школу меня записали,
Мамаша!

Не хочу я жить по вашей указке,
Попадаться во всякие сказки…

2

3

4

5

6

7

Репка (Старая сказка да новый лад)

И стар и мал про Репку слыхал. Сказка стара, да уж больно мудра. Не всё в ней гладко – есть и загадка. А каков ответ – в том и секрет.

На крыльцо выходит Дед.
На плечах тулуп надет.
Бабка с внучкой у ворот,
Внучка семечки грызёт.
Жучка – хвост колечком —
С Кошкой под крылечком.

Из открытого окна громко
музыка слышна:
– На зарядку, на зарядку —
становись!

А Дед
В ответ:
– У меня здоровье крепкое,
Посажу-ка лучше Репку я!

Лопату берёт – идёт в огород…

– И у Бабки без зарядки,
Слава богу, всё в порядке! —

И такая гладкая вся —
поплыла кормить порося.

А Внучка за Жучкой, а Жучка за Кошкой да прямо в окошко. Репродуктор – щёлк! Он и замолк. И в тихом доме свалились в дрёме.

Тут из норки Мышка – прыг! —
Ухватилась за турник:
Крутится-вертится,
Что твоя мельница,
Да счёт ведёт, да ещё поёт:

– Раз и два, и три-четыре,

Стану всех сильнее в мире,
Буду в цирке выступать —
Бегемота поднимать!

Тут вернулся Дедок – он теперь едок. Угощает Бабка кислыми щами – аж у Деда трещит за ушами.

А Мышонок корку – хвать! – и в норку.

* * *

Гуси-лебеди в просини улетают от осени. И синичкам наскучило Огородное Чучело. Да главное дело – в огороде уже всё поспело.

Занимается рассвет.
На крылечке снова Дед.
Видит Репку в огороде
И себе не верит вроде:
Встал он возле Репки —
Репа выше кепки.

А из открытого окна та же музыка слышна: «На зарядку, на зарядку – становись!»

– Эх, бульдозер бы сюда,
Без него одна беда!

Ухватился за ботву —
Только зря срамится!
– Дай-ка Бабку позову,
Вот уж удивится!

Явилась та:
– Ох, и впрямь красота!
Такое сокровище
Немало стоюще!

Бабка за Дедку, Дедка за Репку, тянут-потянут – тут и устанут.

Бабка Деду – взбучку:

– Поднимай-ка Внучку!

Пока дожидались – чуть отдышались. Ну, Внучка за Бабку, Бабка за Дедку, Дедка за Репку, тянут-потянут – и снова встанут.

Тут скривило набок Внучку,
Внучка топает на Жучку:
– Ишь ты – нежится в тени,
За подол меня тяни!

Жучка за Внучку, Внучка за Бабку, Бабка за Дедку, Дедка за Репку, тянут-потянут, да Репка – сидит себе крепко!

Жучка рявкнула на Кошку:
– Что хромаешь понарошку,
Распрямляйся в полный рост
Да тащи меня за хвост!

Кошка за Жучку, Жучка за Внучку, Внучка за Бабку, Бабка за Дедку, Дедка за Репку, тянут-потянут – в луже застрянут.

Внучка всхлипнула: – Ей-богу,
Кликнуть Мышку на подмогу!

У Кошки глаза —
Что твоя гроза:
– Ишь, нашёлся Микки-Маус! —
Запах есть, а весу малость.
И ни веса, и ни вкусу —
Для чего же брать обузу?!

Тут и Мышка! А на Мышке – лишь спортивные штанишки, майка на теле, в лапках гантели!

– Чем топтать без толку грядку,
Становитесь на зарядку!
Чтоб за дело браться,
Надо сил набраться.

Ну-ка, Кошка, кысь-кысь-кысь,
На зарядку становись!

Поднималась с грядки Бабка: «Кто бы взял меня в охапку!»
Внучка ноги чуть волочит: «Мышка смерти моей хочет!»

Дед грозит жене и Внучке:
– Вот ужо вам, белоручки!
Все за мною на зарядку! —

И пошёл плясать вприсядку,
Тащит Бабку за собой.
Внучка мчится со скакалкой,
Жучка гонится за галкой,
И скользит, как в цирке, Кошка
По верёвке бельевой.

И Мышонок был доволен!
Лишь спросил: – Никто не болен?
Встали! Выдохнуть! Вдохнуть!
А теперь – пора тянуть!

Мышка за Кошку, Кошка за Жучку, Жучка за Внучку, Внучка за Бабку, Бабка за Дедку, Дедка за Репку – тянут-потянут – вытащили Репку!

Тут и сказке конец, да и ты – МОЛОДЕЦ!
Да и у нас умишки – не меньше, чем у Мышки.

Переводы

Антонина Кымытваль. Перевод с чукотского

Стихи

Перед праздником

Если крикнуть собакам:
«Поть-поть!»,
Да ещё рукавицей взмахнуть —
Куропаткою нарты взлетят:
Мой отец отправляется в путь!
Поть-поть!
В путь, в путь!

Вот растаял знакомый узор
На расшитой кухлянке[1] его,
Нарты меньше орешка в снегу,
Нет, не видно уже ничего!
Ничего-ничего,
Никого…

За гостинцами едет отец,
Знают все – через несколько дней
Будет праздник, весёлый кильвей,
Праздник в честь молодых оленят,
А подарки нужны —
Для ребят!

Ах, как медленно тянутся дни!
Всходит рано над тундрой звезда.
Вновь с утра я на сопке стою —
Что ж ты, тундра, тиха и пуста?
Лишь песец
Промелькнёт у куста…

Но однажды послышится лай,
Эй, поть-поть! – ожиданью конец,
Эй, поть-поть! – это едет отец,
Вылетай из яранги, встречай!
Кто гостинца хотел?
Получай!

В тундре не было дня веселей —
Начинается праздник кильвей!

Как построить ярангу

Как построить ярангу?
Попробуйте – это не трудно!
Вот подсохнет на солнце
За лето холодная тундра,
Привезу я для вас
Из тайги деревянные жерди —
Шалашом их поставьте
И сами на прочность проверьте.

Чем ярангу покрыть?
Тут железо совсем не годится.
Ни к чему и солома.
Холодна и тверда черепица.
Только шкуры оленьи,
Что сшиты надёжно иглою,
Защитят вас в яранге
От снега и стужи зимою.

Печка здесь не нужна.
Посерёдке костёр разложите,
Да следите за ним,
Да дровами получше кормите.
Грейтесь после охоты
Да чай на огне кипятите,
Захотите помыться —
Снежку растопите в корыте.

Где же, спросите, спать?
Спят в яранге
На нартах вдоль стенок,
Спят под шкурой оленьей
На нерпичьих шкурах толстенных.
На мешке-эвичуне,
Что мягче лебяжьего пуха,
Сказки – в каждом мешке,
Положи его только под ухо!

Кто в яранге живёт?
Пастухи, что со стадом кочуют.
И охотники тоже.
И редкие гости ночуют.
Жить в яранге такой
Вам понравится, честное слово!
Заходите скорей:
Хлеб да соль вам!
Яранга готова.

На коньках по океану

На коньках по океану
Мы катаемся зимой,
Если только нет бурана
И не гонят нас домой.
Ни фонариков весёлых,
Ни скамеек на катке…
В синей дымке ледоколы
Проплывают вдалеке.
Но зато для детворы
Светят с берега костры:
Это деды ждут внучат,
Курят трубки и молчат.

Ночь придёт. Уснут ребята.
Только бродят по катку
С белой мамой медвежата
Даже в стужу и пургу…
То печёную картошку
В пепле стынущем найдут,
То найдут в снегу лепёшку —
Всё до крошки подберут.
Голодает в стужу зверь —
Где еды возьмёшь теперь?
Хорошо, что можно здесь
Хоть чего-нибудь поесть…

И однажды спозаранку
Я увидел трёх зверей
И бегом в свою ярангу —
К маме, к маме поскорей:
– Можно взять мне сухарей?

Мама очень удивилась
И спросила:
– Что случилось? —
Рассказал я обо всём.
И рюкзак схватила мама,
И еду сложила мама,
Наконец она оделась
И сказала:
– Ну, пойдём!

Вот к медведице притихшей
Мама медленно идёт,
Угощает рыбой пикшей
И сгущёнку достаёт.
Говорит: – Я тоже – мама,
Мне близка твоя беда.
На троих, конечно, мало,
Ну, а всё-таки – еда…
Вот мочёная морошка
И картошки есть немножко…

Тут медведица шепнула
Медвежатам на ушко,
Чёрным носом подтолкнула
К медвежатам молоко:
Очень хочется сгущёнку
Полизать и медвежонку.

На коньках по океану
Мы катаемся зимой,
Если только нет бурана
И не гонят нас домой.
Словно добрые соседи,
Словно старые друзья,
К нам приходят три медведя —
Симпатичная семья.
Мы гостинцы достаём,
Их в обиду не даём.
В синей дымке ледоколы
Посылают нам гудки,
И глядят на наш посёлок
Долгим взглядом моряки.

Новость

Лишь узнают в тундре новость —
Станет всем она известна:
Солнце вышло – интересно!
Сын родился – интересно!
Интересно, интересно,
Даже очень интересно!

Кто вспугнул лисят с лисицей?
Видно, это едут гости!
Но к кому свернёт упряжка
И куда помчится после?
Интересно, интересно,
Даже очень интересно!

Вот геологов палатка
Появилась – интересно!
Вот запела куропатка —
Даже очень интересно!

Пробегут аэросани,
Или в речке лёд растает —
От яранги до яранги
Новость каждая летает.

Если будете гостями —
Приезжайте с новостями!
Будем чай мы пить —
И думать,
Оленят считать —
И думать,
Думать сидя, думать стоя —
Новость дело непростое,
Ох, какое непростое!

В тихой тундре,
Белой тундре
Ничего от глаз не спрячешь,
Оттого-то знают в тундре —
Кто ты есть и что ты значишь.

Интересно? Интересно!
Хорошо, что нам известно.

Сказки и рассказы

Полезное имя

На Вороньей сопочке – по-нашему Вэльвынэ́й – обжилось куропаточье семейство по соседству со своими сородичами. И было у них всё, как и в других приличных семьях: и уютный домик в снегу, и ягода шикша под снегом, и звёзды над головой, и шустрый сынок – пушистый комок, топотун и проказник. Только мама-куропаточка была чуть белей да стройней других курочек, оттого и звали её ласково – Беляночкой, по-нашему Ильгынэ́. А папа был рябой куропач, с коричневыми перьями в седине, с важным брюшком и огненным взглядом. Глазки маленькие, а веки большие и оранжевые. А чтоб ещё ярче были, он всё почки ольховые ел, высматривал самые оранжевые. Однако не Огнеглазым звали его, а Пеструхом – за рябую масть. Конечно, не очень нравилось Пеструху его имя, да что поделаешь.

А вот сынок у них рос и вовсе без имени. Тут такая история приключилась. Родился он последним среди малышей куропаточьей родни, к тому времени все самые красивые имена по другим семьям для своих деток разобрали. Кого назвали Альбатросом, кого Звёздочкой, а кого Повелителем Ветров, Голубчиком, Снежком и даже Огнеглазым.

– Ну, придумай что-нибудь, – умоляла мужа Беляночка. – Слыханное ли дело – ребёнок без имени.

Но сколько ни глядел в небо Пеструх своим огненным взглядом, сколько ни перекидывал голову с плеча на плечо – ничего не придумал. Правда, сказал как-то: «Может, Ваняткой назвать, как у этих?..» – так после свою курочку снежком еле в чувство привёл.

А уж другие дети их сынка стали Плаксой дразнить – по-нашему Тыргы́ном. Что верно, то верно: любил малыш покапризничать, да можно ли кличками такими бросаться, хоть бедное дитя и безымянным растёт? Запретила Беляночка сынку своему из дому отлучаться: может, и кличка отстанет, да и от лисьих глаз подальше. Лиса, чего доброго, малыша может сцапать, даже не подозревая, какое это несчастное и ласковое дитя.

Мама Беляночка в нём души не чаяла. И так на него посмотрит, и этак поглядит – хорош! В снег нырнёт с головой, в глубокий сугроб, ягодок шикши или брусники полный клюв достанет. И ну потчевать сынка. А он ест да ест, белым шаром

раздувается, по снегу с боку на бок перекатывается, ягоды покислее выплёвывает, озорник. Беляночка за ним ходит – подбирает: не пропадать же добру. Подкатит потом малыша к себе под крылышко, нежит дрёму его материнским теплом. Папа, конечно, недоволен был: малыш без имени – ещё полбеды. А вот что толст не в меру, не ходит важно, а всё кувыркается – совсем худо, однако. И уводит под вечер сына в лесок уму-разуму учить: вот как ягоду надо доставать – покажет. Вот как домик в снегу выкапывать, чтоб не виден был. А вот как тундру слушать: гребешок вверх – и замри. Одни звуки страшные – когтистые да зубастые. Другие житейские – крылатые да рогатые. А третьи про погоду – шу-шу-шу – говорят. Всему смышлёный малыш научился.

Только пугать как следует никак научиться не мог. Из-под снега вынырнет, крыльями забьёт, а крикнуть по-куропаточьи «кых-пых!» забывает. А ведь если не крикнуть как надо: «кых-пых», – кто ж испугается? Ведь по-русски «кых-пых» это же «кыш-кыш отсюда!».

А вышло так, что как раз тем леском медведь проходил, шикшу искал. Спохватился Пеструх, когда медведь пол-луны загородил. Едва успел малыша под крыло запихнуть, за кочкой спрятаться. А медведь уже возле кочки топчется.

Тут папа-куропач как закричит: «кых-пых!» да как захлопает крыльями, снег взметая, – у медведя душа в пятки! Он-то с испугу подумал, что на него кочкоголовые налетели (это звери на Чукотке так людей называют). Уж такого дёру дал, что ольху сгоряча своротил – не заметил.

Плюхнулся в снег Пеструх, огляделся – нет сынка. А тот белым комком через поляну катится. Насилу остановил его отец и говорит:

– Знаю теперь, как тебя назвать. Будешь ты у нас Кыхпыхом. Пусть не слишком красивое имя, зато полезное. Уж своё-то имя никак не забудешь.

И так малыш этому обрадовался, что стал петь и кричать своё имя на все лады: «Кыхпых, Кыхпых, Кыхпых!» Даже зайца чуть не до смерти напугал.

И мама – Беляночка тоже рада была. С таким именем не пропадёшь – только вспомни вовремя да крикни погромче. А брусничкой да шикшей мороженой сынка повзрослевшего всё равно баловала: мама – она всегда мама.

С тех пор на Вороньей сопочке, по-нашему Вэльвынэ́й, в куропаточьих семьях своих детей только Кыхпыхами и называют. Кыхпых да Кыхпых. А как ещё лучше? Лучше и не бывает. Вот и всё.

Железный малыш

Вот уж сказку скажу – напугаешься. Померещится что – чур, чур! – говори, головешку раздуй, вокруг помахивай. А то бубен на – стучи громко, как тюлень хвостом, Кэлы, злой дух, подумает: мол, от страху трясётся, боится меня. Может, и вовсе не тронет…

Так что жили законным браком муж с женой. Деток любили, кого где находили: то под кустом ольховым, то в морошке спелой, а то просто в ягеле. А уж Кэлы, злой дух, тут как тут. Через всю тундру вьюгой-вьюном несётся, сопит-свистит, за дитятей новым торопится. Мать плачет-убивается, торбаса его поганые обнимает, а тому смех, да и только! Мужчин наших в смертный страх вгонял: не то, говорит, дитя возьму, не то, говорит, зверьё изведу, да птиц поморожу, да рыб заставлю друг дружку поедать. У мужчин после таких слов руки тряслись – не охотники.

И опять пуста колыбель, на ремнях кожаных в тёмном пологе покачивается. Всю ночь Кэлы свой шабаш справляет, день в сопках спит, а под вечер опять на разбой собирается.

Вот однажды муж и говорит жене:

– Однако, стар становлюсь, кто ж меня на охоте заменит, в белом возрасте утешит, род наш продолжит?

А жена перед тем дитя в ярангу принесла. Длинноглазенького, круглолицего крепыша-малыша, что у камня нашла. И муж сказал:

– Не отдам Кэлы, будь что будет. Спрячь ребёночка, а уж я что-нибудь придумаю.

Сказал так и в тундру ушёл. Раньше в тундре, кроме следов звериных, да запахов смутных, да иных примет охотницких, ничего и знать не знал. А тут за камни принялся: какой одной рукой поднимет – тот бросит прочь, а какой двумя еле одолеет – к яме волочёт. Вот он под камнями теми тяжёлыми огонь развёл, большой огонь, с чёрным дымом.

Кэлы думает: совсем чукча ум потерял. В ярангах думают: никак, самого Умку поймал, медвежье мясо коптит. А жене в ту пору думать не положено было: сказано – прячь дитя, она и спрятала.

Меж тем из калёных камней железо в яму натекло. Отковал чукча из того железа дитя не дитя, а так – железного удальца, с ручонками корявыми, с тюленя весом. Еле в ярангу втащил. Пришлось к колыбельке ещё ремней навязать, чтобы под железным ребятёночком не слишком прогибалась.

Сидят под вечер в яранге муж с женой, Кэлы поджидают. Засвистело над тундрой, заухало. Шкуру у входа в ярангу откинуло. Из чёрного холода Кэлы явился.

– Ох, – говорит, – по деточкам соскучился. С утра, – говорит, – икается мне от голоду. Показывай, женщина, кого принесла.

А как заглянул в колыбельку, чуть не до слёз растрогался. Железный-то малыш не ревёт со страху, а сам к Кэлы ручонки свои тянет, будто обнять хочет. Кэлы говорит:

– Я вам за такого дитя керосину дам. Я, – говорит, – корабль купеческий вчера потопил, так керосину этого у меня – бочек сто, не менее!

А сам уж ребятёночка к себе тащит. Тут железные ручонки хвать Кэлы – у того глаза на лоб, еле дышит.

– Ой, – кричит, – спасите, ой, совсем пропадаю!

И вон из яранги! А железный малыш не отпускает Кэлы. Бежит тот, вопит, вся тундра ходуном ходит. А как до Ледовитого океана дотопал, тут свой дух-то злой и испустил.

Утром пошёл охотник к океану взглянуть, точно ли Кэлы помер. Смотрит – и верно: того и дух простыл. Так только – куски льда ребристого, вроде торосов. А на них – железный удалец, им откованный, лежит, снежком припорошённый.

Однако охотник тот умный был. «Хоть железное это дитя, – рассудил, – а моё. На охоту с ним ходить буду, пока в яранге другой подрастёт».

Так и сделал. Ребятёнка этого он Капканом назвал. Злые духи с тех пор в капканы редко попадаются – почти все перевелись. А вот лис черно-бурый, песец голубой или волк зубастый попадаются часто.

Другая жизнь в тундре пошла. В каждой яранге детей много, еды много, шкур много. Оттого и сказок много рассказывают. Всё.

Медвежья хитрость

Умка, Медведь наш, такое прознал, что для медвежьего звания просто срам и злостное оскорбление. Сказывали, будто люди в ярангах про него всякие небыли плетут, простаком его выставляют себе на посмешище. А в тундре только попадись в сказку – сейчас от зайца к песцу, от песца к тюленю молва пойдёт, насмешки да перетолки: «У нашего Умки хвост по уму!» В сказки-то на Чукотке каждый верит.

Как раз тогда Пастух один оленьи нарты делать собрался – за берёзой пошёл. Приметил его Медведь, загремел кустами, наперерез выскочил. И уж было съесть решил, не поздоровавшись, как Лису увидал.

Ну, Лиса-то – хитрюга известная: от рыбки хвостик попросит, с головы начнёт, так пока до хвоста доберётся, всю рыбку и съест.

Чего доброго, и перед человеком на смех выставит. И надумал Медведь без дележа обойтись.

Завалился в кусты, лапами голову укрыл – для утайки. А Пастух от страху как дерево встал.

Лиса Пастуха и спрашивает:

– Что это там за куча в кустах?

Пастух оглянулся, а Медведь ему шепчет:

– Чего ей надо?

– Говорит: что это за куча в кустах?

– Скажи – дров охапка.

– Да вот, Лиса, – дров охапка.

Лиса опять:

– А чего ж ветки шевелятся?

Медведь переспрашивает:

– А что теперь говорит?

– Почему охапка шевелится.

– Скажи, мол, сейчас положил.

– Да вот, Лиса, только с плеч сбросил.

Лиса опять Пастуху:

– Что ж дрова домой не несёшь?

Умка Пастуху подсказывает:

– Говори – не поднять, ноша тяжела.

Лиса не уходит:

– Так убавил бы.

Совсем Медведь расстроился:

– Узнай, как убавить-то, не то совсем не отстанет.

Спросил Пастух, а Лиса в ответ:

– А топор на что? Руби пополам!

Замахнулся Пастух по лисьей подсказке – тут Медведь дёру и дал.

И не то ему жалко было, что добычи лишился, за прошлые обиды счёт не свёл, а что снова в сказку попался в глупейшем виде. Сраму-то, сраму! Ведь сказано же: в сказки на Чукотке каждый верит. Всё.

Селезень-морянка

Не знаю, как ваша семья, а наша – утиному народу родня. Про то моему дедушке его дедушка ещё рассказывал. Вот послушай.

Жил да был старичок, старый совсем. Каждый день помирать собирался, с нарты нерпичьей не вставал, а смерть всё не приходит. Говорит он старшему сыну:

– Устал я жить, да и вам каково, а смерть меня невзлюбила.

Посоветуй, сынок: как тут быть?

Старший сын бородёнку седую скребёт, думает:

– Ты всю жизнь за стадом ходил, горностая добывал, по рекам чира ловил. А смерть ленивых любит. Так что, чем помочь, и не знаю. А нам ты не в тягость.

От этих слов на душе у старичка хорошо стало. Вот он среднего сына зовёт, спрашивает:

– Всё ж в тягость я вам, а смерть не берёт. Как тут быть?

Средний сын редкий ус пощипывает, вздыхает:

– Видно, не глупа смерть, коли от нас тебя не забирает. Хоть и бедно живём, а помогать ей не стану, уж прости…

От этих слов у старичка светлая слеза на глаза навернулась. «Что, – думает, – младший сынок мне скажет?»

А младший сын безус, безбород, мудрость в него ещё не вошла.

– На-ка, – говорит, – голубички съешь. Сам ягодки не попробовал – тебе принёс.

Старик от любви такой сыновней даже на нарте сел, трубочку закурил – в первый раз за сто дней. Долго курил, а пока курил – и надумал. Собрал он вечером всех сыновей.

– Помогите, – говорит, – в дорогу собраться.

Сыновья подивились, однако обрадовались: у ходячего человека смерть сама под пятой. Натянул старик кухлянку поплоше да торбаса[2] залатанные да велел сыновьям кусок верёвки кожаной припасти. А как уснули в ярангах соседи на стойбище, попросил к морю проводить.

Ночь стояла лунная, тихая. Мох ягель стелился им под ноги. Тундра их тени до моря провожала. А на море легла перед ними тропа лунная до края света. И выплыла оттуда, словно по ветру, стая уточек.

Тут велел старик старшему сыну завязать верёвкой кожаной подол кухлянки сзади. И так сказал:

– Не брала меня смерть, а от ваших слов да ласки отступилась совсем. Только непривычно мне на нарте лежать, на нашу бедность смотреть, съедать лучший кусок. Не печальтесь, сыновья мои милые! Ухожу я к утиному народу, стану селезнем-морянкой рядом с вами жить. По хвосту вы меня узнаете.

Махнул подолом перевязанным и в море нырнул. Смотрят сыновья – закачался на воде сизый селезень, по лунной тропе утиную стаю за собой повёл. Помахали вслед, погрустили и домой пошли.

Как-то в зимний день отправился к морю старший сын. Глядь, среди торосов к полынье царь-песец крадётся голубой масти с дымчатым хвостом. За такого песца любой купец на торгах пуд

соли даст да целую голову сахара! Крадётся песец, по насту пластается, а того не чует, что уже на ружейной мушке его шуба висит. Ахнул выстрел, а как ветром в сторону дым снесло, увидал старший сын только морянку-селезня на чёрной той полынье. И хвост у селезня, как подол отцовской кухлянки, верёвкой кожаной перехваченный. Вот кто нарочно царь-песца подманил! Поклонился старший сын морянке-селезню за добычу, а того уж и след простыл.

В весенний день, когда солнце золотыми шестами льды разгоняло, пришёл к морю средний сын. Не сразу признал он в сизом селезне среди стаи утиной родного отца. А селезень-морянка по воде крыльями бьёт, косяк рыбы красной к берегу подгоняет. Тут скинул средний сын кухлянку с себя и давай красных рыб вычерпывать. Столько наловил, что потом на двух оленьих упряжках с трудом увёз. С тех пор к рыбному делу и пристрастился: где селезня увидит – там и сеть заведёт. И не было на всём побережье рыбака удачливее.

А в летний день, когда утки к озёрам потянулись, у младшего сына свадьба была. Только среди веселья загрустил младший сын, об отце вспомнил: где его теперь искать, на каком озере? Вот бы увидел невесту, порадовался…

Вдруг захлопали над тундрой крылья быстрые: это в синем небе плясал сизый селезень, словно в бубен бил вокруг жениха с невестой. А на прощанье пёрышко обронил: летело оно, кружилось, на ладони сыну опустилось.

Конечно, от пера утиного что за толк? Однако смотря у кого в руках. Сын-то младший стал из коры и трав краски варить да тем утиным пёрышком красоту рисовать. А про что рисует, про то и поёт. Песен его я много знаю: он же был дедушкой моего дедушки. Однако время позднее, потом спою. И пёрышко покажу. И ещё что-нибудь вспомню. А пока всё.

Подарок для тёти

Не везёт моей тёте. Близорукие её глаза стали грустные-грустные. А когда наденет очки, то кажется, будто глядит она сквозь слёзы.

Был у неё кот Шаник, ласковый и добродушный, как и тётя. Шубка у Шаника была пушистая и голубая, как голубичная поляна в летнем кедровнике. И вот Шаник заболел. Шубка на нём потускнела и свалялась, ободки вокруг глаз почернели, словно их обвели тушью. Рыжий тётин Энер, похожий больше на лиса, чем на охотничью лайку, тоже его жалел: то косточку со двора притащит – дескать, бери, Шаник, это очень хорошая косточка; то

прыгает вокруг, на спине валяется – представление разыгрывает. А если забудется, ударит Шаника легонько, тот не отскочит, как прежде, не зашипит, смешной и взъерошенный, а плюхнется на бок, вытянув ослабевшие задние лапки.

Тётя его тёплыми сливками поила и отваром из трав, даже за старым шаманом в далёкий посёлок собиралась поехать. А Шаник однажды уснул – и не проснулся.

Вскоре и Энер пропал. Он и раньше пропадал, бывало, но ненадолго – на день, два, ну на неделю. Однако возвращался, жалкий, заискивающий, виноватый, со свежими следами жарких схваток на Собачьем пустыре. Теперь его и на пустыре не было.

Первое время, когда не стало Шаника, он ещё слушался тётю и даже подолгу не выходил из квартиры, лёжа в углу на Шаниковой подстилке. Но потом какой-то злой дух вселился в него. Раньше он и на улице не позволял себе лаять, как какая-нибудь дворняга. А теперь услышит любой шорох или шаги в подъезде – лает, хрипит, хоть уши затыкай. А как выпустит его тётя во двор, обязательно набедокурит. Однажды ни с того ни с сего соседскую курицу придушил. А ведь курицу эту тётиной соседке с материка на вертолёте к празднику доставили.

В наказание за это стала тётя Энера дома запирать. А что собаке в пустой квартире делать? Был бы Шаник, тогда другой разговор. В те дни пристрастился Энер к чтению. Достанет газету с трюмо или забытую в кресле книгу и начнёт читать всё подряд. Он даже пытался съесть особенно полюбившиеся страницы. А их было много, потому что у тёти была очень хорошая библиотека. Больше всего ему понравилась «Женщина в белом», которую тётя тоже очень любила. На эту бедную «Женщину» он вылил всю воду из миски, а миску загнал под диван.

Когда же тётя стала прятать от него литературу, он вспомнил истинное своё призвание и принялся за охоту. Особенно досталось зайцу, из которого была сделана некогда пушистая тётина шапка. Шапку пришлось выкинуть, а Энер в тот вечер остался без ужина.

Наутро он сбежал. Тётя надеялась, что он ещё вернётся, что, скорее всего, он в кого-нибудь влюбился, потому что весной это может произойти с каждым. «Да-да! – говорила тётя. – И с породистыми лайками тоже». Однако не вернулся Энер. Должно быть, и вправду завёл семью и позабыл про тётю. Или отправился в тайгу на охоту, да мало ли что…

Только тётя однажды сказала:

– Ну и пусть! Больше никакого зверья заводить не буду. Долго сердце болит, когда теряешь. Уж лучше совсем одной… – и заплакала.

И я поняла, что тётя просто так это сказала, а на самом деле была бы рада, появись в её опустевшем доме какое-нибудь доброе, симпатичное и преданное существо.

В тот вечер дома, сделав уроки, я забралась в чулан, хотя никто меня и не наказывал. Когда наказывали, я всегда делала вид, будто ужасно боюсь чулана. Но что за славное это было местечко! Справа на гвозде висел карманный фонарик. Я включила его, и в золотом круге света засверкали спицы велосипедного колеса, выступила из мглы перекошенная этажерка с торчащими из нее старыми папиными торбасами, и тихонько вздохнул завалившийся набок среди груды хлама мой старый медвежонок с оторванным ухом. Словно луч фонарика был волшебным, словно он освобождал из тьмы и забытья всё, чего ни касался.

Но я-то знала, кого ждала. И он появился, чёрный и блестящий, и усы его светились и покачивались, точно серебристый противовес в руках канатоходца, которого я видела однажды в Магаданском цирке. Вот оно, живое и симпатичное существо, которое скрасит тётино одиночество. Его можно тоже научить бегать по канату. Спать он будет в банке. А для прогулок хватит и подоконника. Я буду его навещать и приносить самые вкусные крошки. Да и ему будет весело, не то что в чулане.

Я его ловлю, запираю в приготовленный спичечный коробок, а на коробке пишу печатными буквами: «ОСТОРОЖНО! ТАРАКАН ДЛЯ ТЁТИ».

Зелёным-презелёным утром

Утро было зелёным-презелёным. Дул зелёный ветерок – отгоняльщик комаров. Над зелёной сопкой плыло зеленоватое облачко. И я скакала и прыгала, как мячик, до самого неба. Но мама даже не удивилась, словно ничего и не заметила: «Сходи-ка, доченька, к бабушке за рыбьими головами». Ничего нет вкусней ухи из рыбьих голов, что и говорить. Да можно ли заниматься такими пустяками зелёным-презелёным утром!

Но я взяла ведёрко, прыгнула с крыльца – и полетела. Волосы мои развевались, словно хвост воздушного змея, полотняная камлейка[3] надулась, как парашют, и я парила до самого бабушкиного дома, держа на весу ведёрко и перебирая в воздухе лёгкими ногами. Жаль, что обратно пришлось идти пешком, потому что глазастые головы хариуса в это утро тоже хотели летать, и мне приходилось хорошенько следить, чтобы они не разлетелись по всему посёлку. Зато потом мама разрешила мне слетать на речку вместе с моим кудлатым Вытелем. «Только

недолго!» – крикнула нам вдогонку. Надо же! Видно, боится дома одна оставаться. Но ничего, с годами это пройдёт.

Речка нам с Вытелем всегда рада. Только заглядись на берегу – сразу цапнет, сапожки зальёт, Вытеля, из-под камня подпрыгнув, окатит. А если палку в неё кинешь – подхватит, понесёт, подпрыгивая, мохнатая речка, похожая на озорного щенка. Вытель палку у неё отберёт, вылетит из воды на берег – и ко мне. Ох, хитёр! Пока я палку поднимаю, он – фырррх! – с головы до ног меня обрызгает. Да и я в долгу не останусь. Весело!

Мы и не заметили, пока гонялись друг за другом да брызгались, как появились неподалёку от нас малыши. «Девочка, девочка! – позвала меня малышка в расшитой цветами камлейке. – Можно мне твою собаку погладить?»

И все они по очереди стали гладить Вытеля. А он разлёгся, положив голову на вытянутые лапы, и, чтобы посмешить малышню, вскидывал то одно, то другое ухо, то оба сразу. Но тут прибежала белокурая рассерженная тётя, посмотрела на всех нас сквозь огромные перепуганные очки, ахнула, замахала руками и погнала ребячью стайку к детскому саду за зелёным штакетником. А девочка в расшитой камлейке то и дело оборачивалась и плакала, плакала, не закрывая рта. Бедные дети! Сейчас им будут мыть руки и ставить градусники, уж я-то знаю.

Но Вытель на них и не смотрит. Он притаился за кустом – хвост по ветру, уши торчком, настоящий охотник, выслеживающий добычу! И я сажусь на корточки рядом с ним, приставив ко лбу козырьком ладошку, как в засаде, как в кино про пограничников. Тс-с-с! Вот они, нарушители границы, – смешные зверьки еврашки, похожие на маленьких человечков. Особенно когда они стоят на задних лапках. Наш дедушка, который верит во все сказки, и вправду думает, что еврашки – маленькие человечки, заколдованные злыми духами в стародавние времена. Ему об этом ещё его дедушка рассказывал. И вот они торопятся на водопой, сказочные еврашки-человечки, к прозрачной весёлой реке зелёным-презелёным утром.

Два шажка – скок-скок! – и встанут, прижимая лапки к груди, как детсадовские малыши, когда просят, чтобы их не ругали. Потом засвистят: «Пить-пить!» – и снова два прискока. Одна еврашка уже попила – умывается. Лапкой о лапку быстро трёт, словно боится мыло уронить, а потом и за мордочку принимается, за глазки. Я-то этого терпеть не могу, потому что – мыло. А еврашке хоть бы что! Надо бы разглядеть её получше.

Но только я выползла из-за куста, как какая-то птица выпорхнула прямо у меня из-под носа. А рядом в траве неуклюже запрыгал, замахал дрожащими крылышками рябой птенец-

толстячок. Тут Вытель выскочил как полоумный и придавил его лапой!

«Назад! – кричу. – Нельзя!» Птенца у него отбираю. Да поздно: два больших пера на правом крылышке надломлены. Верещит птенец от боли, все руки мне исклевал. А Вытель то носится кругами, то к земле припадает, клыками прицеливаясь к беспомощной своей добыче. И глаза его, не видящие больше ничего другого, горят торжествующе и азартно, как у настоящего охотника. Такие глаза я видела и у папы, когда он возвращается с охоты со связкой диких уток, притороченных к широкому поясу. И тогда в доме все радуются, особенно мама: огонь разводит, воду кипятит, перья ощипывает. А меня посылает к дедушке и бабушке – на утиное жаркое пригласить.

Так, может быть, и мы с Вытелем настоящие охотники, коли есть у нас добыча? Может быть, теперь папа будет брать нас в тундру и подарит мне настоящее ружьё? Да что там утки! Я песцов настреляю, я тюленя добуду! Отдыхай, папа, за оленями приглядывай, а мне ружьё отдай – уж мы с Вытелем всем чем надо семью обеспечим…

– Ты что это наделала, бессердечная?! – вспыхнула мама, увидав птенца. – Птаху замучила, чужое дитя! Ну-ка дай сюда… – и мокрой тряпкой отогнала заскулившего Вытеля.

– А папу – папу ты не ругаешь… – заплакала я, чувствуя, как зелёный мир вокруг теряет краски и очертания.

– Папа охотится на взрослых птиц. А они умные, они любого охотника перехитрить могут. А птенец – беззащитный. Гляди, и крылышко сломано…

И тут я заплакала так громко, что даже Вытель не выдержал и тоже завыл.

– Иди умойся, – сказала мама. – А я ему пока крылышко перевяжу. Чем кормить его, знаешь?

– Знаю, знаю! – обрадовалась я. – Сгущённым молоком! Юколкой[4]! У меня и конфеты есть, мне не жалко…

– Ах ты, глупенькая! – засмеялась мама. – Того, что ты любишь, птицы не едят. Придётся мух да комаров ловить, червяков выкапывать, мелкие камушки на речке искать. И гляди, как бы Вытель птенца не цапнул. Ведь ты теперь – его мама.

В плетёную корзинку я положила мягкой травы и бархатного ягеля, а посередине, как в гнёздышке, устроила своего птенца.

– Я на речке умоюсь, – сказала я маме. – Ладно?

А птенцу сказала:

– Я скоро, сыночек, только туда и обратно.

И мы с Вытелем полетели на речку по зелёному-презелёному утру, не задевая кочек и травы, как умеют только счастливые дети

и преданные собаки.

Тормозок

Шахтёрский завтрак в забое называют ласково – тормозком. Хорошее словечко, меткое: дескать, тормози работу, да ненадолго. Даст бригадир команду, смолкнет стрекот подземных кузнечиков – отбойных молотков, и вот уже в каптёрке собирается вся бригада, на тормозок.

У каждого тормозок свой, домашний: у кого в сумке, у кого в узелке, а у кого и по карманам распихан. Запахнет в каптёрке чаем и молоком, юколкой и луком, а кто и тёплые шанежки достанет – сибирские ватрушки, товарищей угощает. Всего-то полчаса и отводится на тормозок, а посмотришь на лица – повеселели, морщины разгладились, улыбаются от тепла и уюта, чумазые. Едят шахтёры, из кружек прихлёбывают, своих хозяек нахваливают. И получается, будто у каждого жена ли, мать – такая стряпуха да мастерица, каких и за чукотскими пределами ищи не сыщешь.

И у Друга такая была – длинноглазая чукчаночка, заботливая и ласковая, каждый раз на смену собиравшая ему домашнюю снедь в оленью торбочку. Ждали они прибавления в семье, дочку. Дочка и родилась. А вот красавицы чукчаночки не стало. Забрал из родильного дома Друг свою девочку, жену схоронил, с шахты уволился, зажил бобылём.

Через семь лет только, когда девочка в школу пошла, на шахте снова и появился. Определили его в ту же бригаду, где раньше работал, – новичков там не много прибавилось. Да и те его, вслед за старшими, не по имени называть стали, а как все – просто Другом. Очень уж подходило к нему это прозвание.

Тормозок он теперь сам себе припасал. Консервов банка, да бутылка кефира, да хлеба ломоть. Скучный тормозок, что и говорить. Потому его каждый и угостить старался – пирогом ли с грибами, свежей ли строганинкой с зеленью. Попробует Друг, поблагодарит, хозяйку, как водится, похвалит, а ведь и куска толком не съест – так только, чтобы товарищей не обидеть. Видно, нелегко ему жилось, по жене тосковал.

Вот однажды Друг весёлым пришёл, в забое пел, хоть и не слышал никто из-за грохота. Отбойным клювом – троп-топ-ток! – мокрый пласт потрошит, руду в покатый жёлоб отваливает, смотреть любо-дорого. Подручный его, парнишка русский, Русачок, еле поспевает – так он ещё и парнишке поможет: в две лопаты дело у них куда быстрей идёт. Руда из жёлоба на конвейер – и пошла, пошла из тусклого подземелья белый свет

поскорей увидеть, на весеннем солнце жмуриться, в поездах быстрых мчаться к жарким домнам заводским. В этих камешках корявых – крепкий металл для обшивки космических кораблей, скользящих в неоглядных пространствах небесных, и, быть может, видит их Друг мысленным взором – высоко душа взлетает, вот как сегодня.

Эй, шабаш, Друг, стоп: тормозок! Русачок-подручный уже внизу, в каптёрку зовёт. Друг за ним на пятках прямо по руде съезжает. А за столом уже вся бригада в сборе, из мешков прозрачных да из газет промасленных кто что достаёт, раскладывает. Тут и Друг свой тормозок достал. Торба у него полотняная, с тесёмками, снизу кожей подшита. Из торбы не спеша достаёт: полотенце аккуратное льняное, на него сала розовый кусок, чеснока фиалковые дольки, бутерброды, кружечку, серебристый термос на пол-литра чая, а чай-то с молоком сгущённым, пахучий, густой. Женился, однако, Друг, что ли? Говорить не говорил, так ведь в забое с утра поёт, в глазах – свет живой, не иначе как женился.

Глядят друзья на него понимающе, вопросов лишних не задают, от сала не отказываются, хозяйку хвалят. Русачок так и сказал: «Спасибо от нас передай». А бригадир из своего шкафчика шоколадку достал. Один он на торбе полотняной прочитать успел: «ПАПОЧКА, ПРЕЯТНОВА АПИТИТА». И каждая буковка вышитая, каждая милая ошибка на рукоделье глаза ему до слёз запорошили.

«Ай да хозяюшка!» – только и сказал.

Захид Халил. Перевод с азербайджанского

Ко мне, мухтар!

Я собирался в Южную Африку. Вот уже полгода висел у меня в кабинете контурами похожий на большое сердце этот давно манящий меня континент.

И тут все мои планы рухнули. Письмо было из Тюмени от моего старинного друга – Другваси, учёного и заядлого охотника:

> *«Любезный друг!*
>
> *Твоё ружьё пристреляно и вычищено. Немедленно едем на охоту. Волков на Тоболе развелось – пропасть. Если не приедешь и на этот раз, имей в виду, что каждый павший от хищных зубов телёнок будет на твоей совести. И каждый олень. И каждая курица.*
>
> *Вместо погибшего в честной схватке незабвенного Янычара у меня теперь великолепный Мухтар, которого я приобрёл по случаю на базаре. Он хоть и беспородный, на дичь и мелкого зверя не годится, зато на волчьей травле ему нет равных. Итак, в последний раз: жду тебя в следующую субботу, вечером.*
>
> *Твой Другвася».*

С прощальной, щемящей грустью глядел я на африканское сердце, омываемое голубым океаном, и оно становилось всё меньше и призрачней, словно это таял на глазах воздушный шар, уплывающий в бесконечное небо. Прощай, Африка!

* * *

– Глупости! Какие глупости! – опять что-то гневно пропищало у самого моего уха. – Сегодня нам принесут билет. И если ты не поедешь в Африку, если ты не поедешь…

Но я теперь думал только о Другвасе, я видел его голову, именно не лицо, а голову, потому что лицо его совершенно утопало в зарослях таёжной бороды, из которой, как два огня электрички из тоннеля, сияли смешливые его глаза. И он обижается, что я всё не еду. И вот ждёт – в последний раз. Прощай, Африка!

Но разве не романтичней, разве не заманчивей звучат даже сами названия этого необъятного сибирского края, где нефти

добывается столько, сколько нам в Баку и не снилось! Са-мот-лор – это большая нефть. У-рен-гой – это большой газ. Сургутская ГРЭС – это море света. А Тюмень, самый древний город Сибири? Подумать только – и я это увижу своими глазами!

Походный рюкзак был уже собран. Из вещей, приготовленных для Африки, я оставил только подзорную трубу и шляпу. Что и говорить – с подзорной трубой можно волка заметить раньше, чем он тебя.

И вот меня уносит, уносит, как лист чинары, и неоглядная земля подо мной, такая неожиданная и родная, что и малые стога на первых косовицах, преображённые самолётной высотой и золотым полднем, казалось, пахнут давно забытым запахом тёплого хлеба.

Но чем ближе к Тюмени, тем всё меньше становилось зелени, она истаивала, переходила в сиреневую дымку лесов. Потом замелькали барашковые тулупчики снега, а вскоре внизу потекла и устойчивая снежная пелена, разрываемая кряжами тайги, перечёркнутая автострадами и железнодорожными путями. Города и посёлки плыли в ней, как большие и малые океанские острова.

– Самолёт идёт на посадку, – ласково предупредила стюардесса. – Температура воздуха в Тюмени минус пять.

И все посмотрели с улыбкой на мою соломенную шляпу.

Не стану описывать нашу встречу с Другвасей: она прошла, как всегда, в тёплой, дружественной обстановке. Оказалось, что своего великолепного Мухтара он уже отправил в лесничество. И на следующий день с полной охотничьей выкладкой мы выехали из Тюмени на место охоты, в район реки Тобол.

Неподалёку от дома лесничего нас встретили весёлым лаем молоденькая пятнистая легавая и довольно крупная лайка, которую я сразу же принял за Мухтара.

– Мухтар, ко мне! – окликнул я пляшущую на снегу собаку и полез в рюкзак за сахаром.

– Какой же это Мухтар! – усмехнулся Другвася. – Это же Ласточка, она неделю как ощенилась. Мать троих детей, а ты – Мухтар!

Такую я дал промашку. За сахар мне тоже влетело – от Петра Валентиновича, местного егеря, вышедшего нам навстречу. Он хоть и не ругался, а всё же сказал, что, мол, кто же это собак перед охотой кормит?! А Ласточка то и дело помаргивала, поглядывая на меня: «Вот ещё скажут! Да кому это сахарок хоть раз в жизни помешал?»

На крыльце нас встречал маленький тонконогий, молочной

белизны козлёнок с медным колокольчиком на точёной шее. «Ме-ке-ке!» – козлёнок. «Дзинь-дзинь!» – колокольчик.

– Волков чует! – сказал Другвася и ласково потрепал бодливый лобик с крохотными рожками, похожими на две только что вылупившиеся еловые шишечки. – Потерпи, Мухтар, завтра мы им покажем!

– Где Мухтар? Он – Мухтар?!

– Именно! Не козлёнок, а настоящий волкодав!

Я-то думал, что Другвася по обыкновению шутит, но на этот раз он вовсе не шутил.

– Прикинь сам: козлёнок чует волка за пять километров, а волк козлёнка – за три. Так? Далее: учуяв волка, Мухтар скачет, например, в северозападном направлении, то есть в обратную сторону от неприятеля. Значит, если верёвку от козла до колышка принять за вектор, то, продолжив её мысленно в противоположную сторону, на юго-восток, мы получим точные координаты хищника. Так что заряжай ружьё и жди в засаде.

– Нет, ты это серьёзно? – всё же не верилось мне.

– Абсолютно! Очень перспективный вид охоты. Говорю тебе – обзаводись козлёнком, пока всех не разобрали.

Я был просто восхищён умом и находчивостью моего замечательного друга. Ай да Мухтар – с колокольчиком на шее, две шишки на лбу!

Тайга с каждым днём мне нравилась всё больше и больше. Здесь ещё была почти настоящая зима. Снежная мишура на можжевёловых кустах и еловых лапах шуршала, подрагивала, шлёпалась вокруг тяжёлыми мокрыми комьями. А вот в родничке, в студёной его ясности – если вглядеться, если вслушаться – весна оживает, и он – первый её провозвестник.

Вскоре из районного центра, маленького провинциального городка, приехала на выходные дни жена Петра Валентиновича, краснощёкая сибирячка Марфа Тихоновна, с такой же краснощёкой Лизонькой, дочкой. Лизонька – первоклассница, из-за неё Марфе Тихоновне и приходится разрываться, на два дома жить, но ничего – успевает. И гостям была очень рада.

Запахло в доме жареным луком, бурлящими в чугунке щами, гречневой кашей на гусином сале – ах, что это были за запахи! Вот и выбиты половики, и полы засияли недоступной для нас чистотой и свежестью. Даже дым из трубы шёл совсем иной – голубой, завитой, уютный, чуть наискосок – над лесом, как сказочная тропинка в небо.

В день приезда Лизонька не отходила от Мухтара: то выпросит у матери капустки или щепотку соли для нового дружка, то бегает с ним по двору. А козлёнку того и надо –

бодливым был. Стоило замешкаться Лизоньке, не увернуться – уж он тут как тут: не больно дерётся, но всё же…

Пошли они с Лизонькой за ручей на поляну. В ручье воды теперь прибавилось, ледок разошёлся, появился там мостик, уложенный вчера Другвасей. Лизонька-то по мостику – топ-топ-топ! А козлёнок – скок! – и на том берегу. Конечно, зачем ему мостик!

А на другой день даже Пётр Валентинович удивился: не играет дочка с козлёнком – надоел, что ли? Всё за дальними сараями прячется, на обед не дозовёшься.

Оказывается, вот какая вышла история.

Шапка

Только что на девочке шапка была – новенькая, пушистая шапка, на все холода. Была, а теперь нет. Стоит расстроенная Лиза, ботинком с ботинка грязь счищает.

– Ах ты наказанье моё! – ругает девочку мать, выскочив на крыльцо. – Опять потеряла! Да знаешь ли ты, сколько эта шапка стоит?!

Лиза молчит.

– Конечно, откуда ей знать! Отец с матерью заработают. Шапка стоит двадцать рублей. А ей лишь бы играть. Ты мне только заболей смотри! – И, всплеснув перемазанными в тесте руками, мать хлопнула за собой дверью.

Оставив в покое свои ботинки, вконец расстроенная тяжким обвинением, Лиза побрела через двор к сараям. А вскоре, перескакивая через лужи и придерживая на плечах вздувшийся платок, туда заспешила и мать: «Ах ты наказанье моё…» Однако за сарай она не заглянула, а, только услышав сердитый голос дочери, остановилась в удивлении.

– Да знаете ли вы, сколько такая шапка стоит?! – возмущалась Лиза, входя в роль. – Двадцать рублей! Но вам-то, конечно, до этого дела нет. Вам бы только играть…

Не желая больше слушать, как дочь передразнивает с противным подвыванием её собственные слова, она вышла из-за укрытия прямо перед растерявшейся девочкой. Лиза сидела на корточках, перед ней лежала шапка, а в шапке, как в пушистом гнезде, возились два серых котёнка. Девочка подалась вперёд и накрыла их растопыренными ладошками.

Но её не ругали. Через какое-то время, найдя в сарае старое лукошко, мать выложила его изнутри своим мягким дымчатым платком и тоже присела на корточки. И обе улыбались и говорили: «Осторожней!», разглядывая и пересаживая котят на

новое место жительства.

* * *

Утром мы проснулись от шума дождя. Другвася был расстроен: теперь охоту придётся отменить. Видно, задержавшаяся в дороге весна нагрянула – волчье раздолье!

Чертыхаясь и гремя брезентовым плащом, в сторожку вошёл Пётр Валентинович. Бороду он прямо в тазик у печки выжал.

– Беда, братцы! – ударил он ладонями по коленям, усаживаясь. – Прямо беда: браконьеры балуют! У четвёртой просеки оленя взяли. Снежком закидали, да дождик размыл – кровь. Наполеон меня туда и привёл.

Вскоре дождь так же внезапно, как и начался, затих, только ещё с крыши падала и клевала щербатую землю капель. На дворе поскуливал Наполеон – молодая легавая, обнаружившая спозаранок кровавую тень преступления. Но много ли может рассказать какая-то тень: тайга большая – ищи-свищи!

Однако представьте: к вечеру браконьер был пойман. И хотя Другвася утверждал, что в этом ему и егерю Петру Валентиновичу помогла общественность, а также умница Наполеон, мне подумалось, что дело обстояло несколько иным образом…

Тени

Не каждый знает свою тень. Иной за весь день ни разу о ней и не вспомнит. А чтобы кто-нибудь подумал, всё ли она делает сообразно правилам приличия, а тем более посочувствовал одинокой тени, – такого, как мне кажется, вообще не бывает. Кстати, одиночество тени в каком-то смысле относительно. По крайней мере, далеко не все тени ночуют дома. В этом нет и тени сомнения. Например, некоторые из них собираются прямо в подъездах, или слоняются по чёрным улицам, или, растянувшись на крышах, как лунатики, во все глаза глядят на луну.

Известен такой случай. Один охотник, проснувшись утром в своём доме, обнаружил, что его тень дома не ночевала. Её не было ни под кроватью, ни за зеркалом. Он даже в бинокль всю комнату осмотрел, но тщетно. И так расстроился, что заболел. Ещё в дверях доктор сразу догадался, что у него не все дома.

– Кто же, дорогой вы мой, за вами присмотрит? – посочувствовал доктор и, дёрнув за шнур, распахнул портьеру. Тут-то всё и выяснилось.

Оказывается, тень больного пряталась в проёме окна за

шторой и таким образом обнаружилась к большой радости вскочившего с постели охотника. И хотя доктор снова его уложил, прописав постельный режим и микстуру, дело быстро пошло на поправку.

Однако на этом история не кончилась. Как-то после удачной охоты, закопав под покровом ночи от греха подальше в углу огорода оленью тушу вместе с рогами, известный нам охотник до утра ворочался в постели, мучимый кошмарами. Как и в прошлый раз, очнувшись от дурного сна, он понял, что его тень опять куда-то запропастилась. Но теперь он не стал заглядывать под кровать, а, схватив половую щётку, шваркнул ею поперёк портьеры. Наконец, извергнув многократное чихание по причине бросившейся на него пыли, он дёрнул за шнур. Каково же было удивление, когда и там не обнаружилось пропажи!

В окне перед ним стоял бесконечно серый, мокрый, затравленный денёк, побрякивая о стёкла яблоневыми рогами. И нехорошее предчувствие совершенно помутило и без того смятенную душу охотника. Он даже не стал вызывать доктора.

Как потом оказалось, предчувствие его не обмануло.

А дело было так. Накануне вечером, когда охотник на опушке обкладывал брезентом коляску мотоцикла, гружённую олениной, принялся сильный дождь. «Чем так мокнуть, лучше заночевать под какой-нибудь ёлкой», – подумала, едва шевелясь, тень охотника. И осталась. Но заснуть ей в ту ночь не пришлось. Разные мысли лезли в голову.

Давно не лежала у тени душа к хозяину, давно бы его оставила – уж очень жесток и жаден. Да как уйдёшь, когда с рассвета дотемна у него под пятой! Лишь одна она и знала, какой разор чинил он в округе, сколько живности извёл на тайную продажу. На многое приходилось закрывать глаза, хотя бывали случаи, когда тень успевала дотянуться до тени какого-нибудь раззявы зайца – тот и задаст стрекача. Охотник с досады однажды чуть свою тень в землю не втоптал. Горюет тень, сидя под ёлкой. Дождь шипит, как масло на сковородке. Не спится. А тут ещё две заячьи тени лисью тень догнали.

– Вот видишь, – сказали заячьи тени лисьей тени, – в два счёта догнали! Но мы ж тебя не трогаем! Ты скажи своему лису, пусть и он наших зайцев не трогает.

– Я-то скажу, – отозвалась лисья тень, – а толку-то! Разве он меня слушает. Он сам вчера от охотника еле ноги унёс.

Помолчали.

Тогда тень и вылезла из своего укрытия. Вообще говоря, в этих местах боялись даже тени охотника. Но под ночной моросью скукоженный её вид был так жалок, словно её хозяину снился

сейчас нехороший сон. Вполне вероятно, что так оно и было.

Выслушав тень охотника, все согласились, что положение её самое незавидное. Хотели её как-то отвлечь от чёрных мыслей, да филин вспугнул. И вот, лишь добежали они до огромного дуба с расщеплённой вершиной, как увидели под ним тень убитого оленя. Она буквально умирала от горя.

Надо было видеть в те печальные минуты тень охотника. На ней просто лица не было.

– Это не я! – крикнула она не своим голосом, как если бы это во сне кричал охотник.

Возле умирающей собралась толпа. Тени постарше пытались успокоить тень охотника. Другие в лучшем случае старались её не замечать.

После похорон, когда тени стали расходиться по своим хозяевам, к ней подошла лохматая тень небольшой легавой, служившей у егеря.

– Попрошу вас остаться, – вежливо протявкала она, отводя тень охотника в сторонку от любопытной лисьей тени. – Вам, по-моему, спешить некуда…

…А охотник тем временем стоял у окна, бессмысленно разглядывая мокрые голые ветки, и раздумывал о случившемся. Без тени он чувствовал себя не в своей тарелке. Маленький городской посёлок уже проснулся, и первый автобус, фыркая грязью, поскакал по направлению к базару. В дверь позвонили. «А вот и доктор», – с облегчением подумал охотник, хотя доктора-то он не вызывал.

Увидев в дверях представителя власти с милицейским околышем на фуражке и егеря с собакой, он сразу понял, что предчувствие его не подвело.

– Это не я! – крикнул он. – Как вы смеете!

…Подписав протокол об изъятии у него убитого оленя, матёрый браконьер мысленно перебирал всех знакомых, пытаясь догадаться, кто его предал. «Скорее всего это такой-то, – решил он по дороге, наступая в лужах на тень легавой. – Хотя вполне это мог сделать и такой-то…»

О собственной тени он даже и не подумал.

* * *

И вот наступило утро большой охоты. Мы с Другвасей образовали отдельную группу с чисто научными и экспериментальными целями. И главная роль, разумеется, в нашей группе отводилась Васиному Мухтару.

Даже самые мудрые волки, забыв осторожность, плюнули на красные флажки и валом повалили в нашу зону, где, разбрызгивая копытцами мокрый снег, блеял и скакал привязанный верёвкой к колышку козлёнок.

Я уже уложил, должно быть, с дюжину хищников, как вижу: из-за сугроба выпрыгивает прямо передо мной огромный волчище. А ружьё-то у меня не заряжено: только перед этим выстрелил. Вот тут-то я и узнал всю храбрость и находчивость Мухтара. Как спринтер по стадиону, промчался он по кругу, верёвка натянулась и, когда хищник поджался для гибельного прыжка, срезала его под самые коленки. Кувыркнувшись, волчище шмякнулся на спину перед козлёнком, а тот не сплоховал: бац его рожками, да ещё как! Конечно, может быть, это со страху мне так показалось. Однако волк подхватился и выскочил прямо на Петра Валентиновича. А уж у того рука верная.

– Хватит, – сказал Пётр Валентинович, – так дело не пойдёт. Бесчеловечно на живую приманку голодных волков травить. У волка и шансов нет от пули уйти, разве это охота? Истребим всех волков – кто ж от падали лес очищать станет? Зверь-то он хищный, да нет в природе ненужного зверя.

И все с ним согласились. Только козлёнок Мухтар всё время жался к нашим ногам и виновато блеял, будто хотел сказать: «Ме-е, я не виноват, они первые начали!»

Вот и кончилась замечательная наша охота. Другвася теперь ни за что не хотел расставаться с Мухтаром и решил его взять с собой в Тюмень.

– Да тебя ж засмеют! – отговаривал его егерь. – Там у вас, поди, с болонками да с пуделями гуляют, а ты с козлом, вот смеху-то!

– Ничего, – сказал Другвася, – мы себе цену знаем. Ко мне, Мухтар!

Мы простились. До самой подводы, ожидавшей меня и Другвасю на дороге, я нёс Мухтара, своего спасителя, в рюкзаке за спиной: он ехал, завязанный по самую шею в брезент, и то и дело поторапливал меня острыми своими коленками. И пока мы дошли до подводы, чтобы ехать на станцию, я сочинил про него сказку. То есть не совсем про него, а про такого же храброго козлёнка, у которого тоже чесались рожки. И в знак благодарности Мухтару её и посвящаю.

Как у козлёнка рожки чесались (Сказка)

Не оттого бодался козлёнок, что бодливым рос, а оттого, что

рожки чесались. Маленькие рожки – две шишки еловые.

Козла боднёт, поросёнка боднёт, ведром гремит, с бочкой бодается. Индюк – наутёк, только пыль столбом.

А рожки всё чешутся.

Пёс-старожил уж на что терпелив, чуть что – в конуру, и тот не стерпел: бум! – по стенке, бум-бум-бум! – по другой, стучит, гремит барабанная музыка. Проучил он козлёнка: как большого, облаял да зевнул не без умыслу – всю пасть показал.

А рожки всё чешутся.

Чешутся рожки, хоть из дому беги. И пошёл козлёнок себе место искать – пободаться на воле, чтобы зуд остыл.

Идёт по дорожке, свои шишки несёт. Тут ягнёнок навстречу – две ракушки на лбу, в глазах тоска знакомая.

– Чешутся? – сказал козлёнок. – Ну, сейчас полегчает.

Боднул он ягнёнка, да и тот не в долгу: завитые ракушки шишек острей. Бодались-бодались, а ведь в шубах, жара.

– Ладно, – сказал ягнёнок. – Голова только болит, а всё равно рожки чешутся. Надо бы шершавое найти, шершавое хорошо помогает.

И пошли они дальше – чинару искать. А навстречу – телёнок. Головой мотает, на небо мычит. А рожки у него как два белых огурца. Мычи не мычи – растут!

Вот и трое их стало, по одной беде товарищей, идут о шершавый ствол рожки чесать.

А в ореховой чаще волк, шакал да лиса у лесного ключа сошлись. Вкусна вода, да не телятина, не барашек свежий, не козлёночек. Водой голода не зальёшь. Стали они разбой замышлять, а тут навстречу: топ-топ по тропе, да тук-тук, да скок-скок. Угощеньице!

– Тот, что первый, – мой! – решил волк.

– Второй моим будет! – тявкнул шакал.

– А уж я козлёночка заберу, – облизнулась лиса.

И двинулись обе компании – кто тропкой, а кто кустами – у каждого-то забота своя.

Тут козлёнок споткнулся, копытце потерял. Пока искал копытце, пришло ему на ум: неспроста сорока трещит, орешник шуршит – разбойники там. Про то и сказал своим товарищам.

Замычал телёнок:

– Му! Прощайте, мои огурчики!

Заблеял ягнёнок:

– Бе! Прощайте, мои ракушки!

А козлёнок – шишки вперёд, скок-скок и запел:

– Ах вы, рожки, мои рожки,

Мои сабельки!
Не боюсь я злого волка
Ну ни капельки!

Волк лисе говорит:
– Твой-то того, помешанный, – и замедлил шаг.
А козлёнок ещё громче:

– Ах вы, рожки, мои рожки,
Вы кинжальчики!
Выходите-ка, шакалы
И шакальчики!

Шакал на лису косится:
– Твой-то того, с большой дороги… – и тоже замедлил шаг.
А козлёнок во всю мочь вопит:

– Ах вы, рожки, мои рожки,
Ножи острые!
Из-за вас в лесу лисицы
Все бесхвостые!

Оглянулась лиса с опаской на хвост, на свою красу, совсем расстроилась: «Ну и времена настали! Хоть в лес не ходи».

Забрались все трое под тёмный куст – ждут, что будет.

А козлёнок-то свою компанию на лужайку привёл, где вчера гулял. Цветы, да бабочки, да сена стожок, а у стожка медведь привалился: то ли спит, то ли про мёд думает. Телёнок с ягнёнком от страху ни бе ни ме! Пропадают.

– Ох, чешутся рожки мои! Ох, на медведя иду! – подпрыгнул козлёнок и скок-скок к стожку:

– Ах вы, рожки, мои рожки,
Вы рогатины!
Очень хочется отведать
Медвежатины!

Боднул медведя в бок, с другого заходит. И в брюхо его, и в брюхо, вконец осерчал:

– Я из него дух-то выбью!

А как стал заходить с куста, где волк, шакал да лиса

затаились, не выдержали разбойники – побежали в разные стороны: три просеки сквозь орешни и посейчас видны. А телёнок с ягнёнком вовсе без чувств лежат, копытца отбросили.

– Вставайте, товарищи, ушла беда! – просит козлёнок.

Еле на ноги их поднял. А про то, что вчера один косарь у стожка медвежью шубу на просушку оставил, говорить не стал. Сказать-то можно, да для друзей же хуже, уваженье не то.

И пошли они, весёлые, дальше – чинару искать.

Рожки-то у них всё равно чесались.

* * *

В Тюмени я только до вечера и погостил у Другваси, хотя мы уговаривались, что я останусь ещё на целую неделю. Словно тот, давно уже не слышанный комариный голосок звенел и требовал: «В Евлах! Только в Евлах!» В далёкое детство, которое я не навещал уже целую вечность! Туда, где плывёт в ещё тёплых сумерках ласковый голос матери, где стоит у дороги тысячелетняя чинара, укрывая своей кроной селенья, табуны и озёра…

Оказывается, иногда надо уехать за тридевять земель, чтобы оглянуться на своё детство, затерявшееся среди лет и просторов, но всегда ожидающее тебя на ступеньках покосившегося крыльца – там, на малой, вечной твоей родине…

Другвася всё понял, он не обиделся и проводил меня до самого трапа самолёта. Вместе с Мухтаром: его он держал на поводке. Помню, как козлёнок поставил на трап своё лаковое копытце, словно собираясь забраться вслед за мной в самолёт, посмотрел на восторженную стюардессу и насыпал на бетонную гладь тотчас разбежавшиеся орешки…

Самый справедливый сторож на свете

Служило пугало сторожем на огороде. Хозяйство большое: одной клубники три гряды, да виноград-скороспел, да помидоры, да зелень, да инжир, да картошки немного. Всё на одной ноге не обойдёшь.

Вот и стоит старое пугало ровно посерёдке, руки врастопырку, словно вора ловит. А как задует ветер с моря, вздуется тельняшка на пугале, затрепещут сигнальными флажками лохмотья да рукава, зазвенят корабельными склянками консервные банки – тут и засвистит сторож в свисток ли боцманский или губным манером, из-за усов не поймёшь:

«Свистать всех наверх!» А потом опомнится и шикнет: «Кыш-кыш, проклятые!» Птицы и улетают.

Впрочем, птицы совсем его не боялись. А если и улетали, так только из личного уважения: ведь вот какой пост занимает, а чтоб клубнички спелой отпробовал или виноградом попользовался – такого за ним не водилось. Кристальной честности сторож. Хозяин, бывало, ему новенькую побрякушку приладит, подправит кое-что или завалящую папаху натянет по самый флюгер – он и рад. Хоть и смешон убор, не бескозырка, да внимание дорого!

Любил он всякие истории из жизни рассказывать – было б только кому слушать. А слушать было кому. Какой-нибудь дрозд-прохвост скажет ему: «Ты бы рассказал, дядя, как на турков ходили…» Он и пойдёт: «Как сейчас помню, дело ночью было. Стою я на вахте, совсем один…» Соберутся скворцы, да горлинки, да всякая птичья мелочь, даже с соседских огородов прилетают, ягоды поклёвывают и слушают, слушают… А всё мало! «Ты бы лучше, дядя, как на тигра ходил, рассказал». Он только руками разведёт: «Что ж, это можно. Как сейчас помню, дело ночью было. Стою я на вахте, совсем один…»

Наслушаются птицы до железной оскомины в клювах – и по домам. А другие уж тут как тут. В общем, дружно жили. Ну, а если иной раз и пошумит старый сторож, понять можно: значит, ветер с моря, оттого и разволновался.

А вот когда в доме хозяина не стало, прямо на глазах сдал. Хоть и не сгорбился, да как-то завалился вбок, в папаху весь головой ушёл, ничего уже не видит вокруг. Побрякушки гремучие попадали около, налились ржавой водой. Совсем плох сторож, до весны не дотянет.

Один сорокопут беспутный, наклевавшись с дружками винограду вдоволь, засвистал ему с ближней лозы: «Что-то давно ты, дядя, ничего не рассказывал. Скучно в огороде. Вот хоть как ты на аэроплане летал, вспомни…» – «Что ж, это можно», – сказал сторож, поводя плечами. Но лишь дошёл до того места, как стоял он на вахте, совсем один, уселся сорокопут на макушку его чабанской шапки и ну плясать, ну смеяться перед своей компанией!

И понял сторож, что отныне он и не сторож вовсе, а просто старое огородное чучело. Замахал он, застрекотал лохмотьями, закачался, как проволочный: «Кыш, кыш, проклятые! Кыш-ш!» Со страху сорокопут чуть в изгородь не угодил. Да и дружки его прочь подались.

Вскоре птицы и совсем улетели, опустел огород.

Ночью задул с моря штормовой бриз, или, как говорило утром радио, «ветер сильный, порывистый, пятнадцать – двадцать

метров в секунду». И никто не видел, как в черноте и грохоте разваливалось, разлеталось по огороду пугало, а шапку его вместе с мусором сначала мотало по воздуху, шмякнуло о стену и потащило, поволокло к дикому ущелью.

В то же утро палку, что служила ему руками, подобрал на улице смышлёный малыш. Он не стал сдирать замотавшийся клочок тельняшки, а завязал его на конце полосатым флажком.

Вы только себе представьте: верхом на палке скачет с посвистом карапуз, сигая через лопухи, а впереди него вьётся по ветру полосатый флажок! Вот и веселилось бывшее пугало, думая: «Нет, ещё я на что-нибудь да гожусь! Есть ещё порох в пороховницах!» И скакало, скакало, удивляясь и радуясь такому повороту судьбы.

Зеркальце (Сказка)

Нашёл Заяц на дороге осколок зеркальца. Если бы он знал, как надо им пользоваться, – пускал бы юрких солнечных зайцев, дразнил бы исподтишка соседей, как это делает каждый в его возрасте. А Заяц в зеркальце глядеться стал:

– На зайца похож! – удивился Заяц. – Да лицом дурашливый. Губа-то, гляди, резцов не закрывает.

Хотел он зеркальце вокруг обойти, а ничего не выходит. Словно и нет никого за серебряным осколком. А в зеркальце – опять тот дурашливый, да ещё, как бабочка крыльями, глазами хлопает. Рассмеялся Заяц, потешается, от смеха в придорожный куст свалился.

– Чего это ты, Заяц, ногами дрыгаешь? – склонился над ним Джейран.

– Да вот, погляди на дурака, – протянул Заяц зеркальце. – Самому смешно станет.

Взглянул Джейран – и тоже рассмеялся:

– Просто смешно, какой пугливый! А ещё с рогами!

Заяц от этих слов ещё пуще зашёлся.

– Ой, не могу! – вопит. – А ещё с рогами.

Тут к ним Медведь подошёл.

– Дайте-ка, – говорит, – и я взгляну.

Поглядел Медведь в зеркальце – и ну хохотать:

– У него и глаз-то от жиру совсем не видать!

Заяц от смеха так и прыгает:

– Ой, не могу! Глаз-то от жиру совсем не видать!

Поглядела в зеркальце Змея-гадюка:

– Ещё дразнится, язык показывает! – зашипела она и к солнышку отползла.

– Ой, умру! – вопит Заяц. – Язык показывает!

– Дайте и мне, – прибежала на шум Лиса, – что у вас там за зверь такой? – А потом давай возмущаться: – Кто ж это губы чёрной помадой мажет?!

Заяц от смеха заикой стал:

– Ой-ой-ой! П-помадой… гу-губы… м-мажет.

А у Волка разговор короток был.

– Ну и зверская рожа! – зарычал Волк. – Тьфу!

Шмякнул зеркальце о камень, оно и погасло. Тут и сказка кончилась.

– Ну и правильно, – махнул рукой Медведь. – Нечего такому уроду по нашему лесу шляться.

И все разошлись из сказки.

Один только Заяц остался: он собирал в лапку из травы и пыли мелкие осколки, всё хотел увидеть того, кого за всю жизнь встречать ему не доводилось, – рогатого зайца с маленькими заплывшими глазками и накрашенной чёрной помадой губой. Который при этом то и дело моргал, показывал язык и строил зверские рожи.

Заячье имя (Сказка)

Волк за день так загонял Зайца, что у того даже имя вон из головы: забыл Заяц, как его зовут. Никак не вспомнит. Совсем загрустил Заяц: виданное ли дело – без имени остаться!

Навстречу ему Ёж:

– Здравствуй, здравствуй, приятель Длинноух, чего это ты здесь расселся?

– Да вот, понимаешь, имя своё вспоминаю, совсем из головы вон. Да, видно, уж и не вспомнить теперь, выручай.

– Ты б на уши свои посмотрел, так вспомнил бы. Всем на зависть уши! Оттого тебя Длинноухом и прозвали. Вот чудак! – и покатился Ёжик дальше своей дорогой.

«Да нет, какое ж это имя, – думал Заяц. – У меня другое было, коротенькое, как мой хвост».

Тут его Белка с ветки окликнула:

– Эй, Скок-поскок, чего это ты здесь расселся?

– Да, видишь ли, имя своё вспоминаю. Раньше знал, а теперь забыл. Как это ты сказала – Скок-поскок?

– А как же ещё? Скок-поскок! Ты на походку свою посмотри. – Полыхнула Белка хвостом и дальше полетела.

«Да разве ж это имя? – рассудил Заяц. – Нет, у меня другое было, надёжное, как свист ветра в углах, когда бежишь».

Пригорюнился, а тут из ежевики Медведь выходит:

– Ты чего это, Косой, здесь расселся? Так тебя и придавить недолго.

– Мне уж теперь всё равно, – вздыхает Заяц. – Я имя своё потерял. Кто ж я теперь, по-твоему?

– Ты случаем, не того, Косой? Вот я уж тебя в какой раз называю!

– Да что ж это за имя – Косой? Прозвище обидное, да и только. У меня другое имя было – хрусткое, как капустка. Не вспомнишь?

Да Медведь тем временем уже по лужку на пасеку топал.

Собрался уж было Заяц в речке топиться, как вдруг за кустами разговор услышал:

– Разве ты шакал? – говорил один шакал другому. – Козы испугался! Заяц ты, а не шакал!

– От такого слышу! – огрызнулся другой. – Сам ты заяц!

– Это я – Заяц! – завопил Заяц. – Я! – и задал стрекача.

На опушке чуть на Ежа не наскочил.

– Я Заяц! Заяц! – прыгал Заяц на радостях. – Вот кто я!

– Ну и что, что заяц, – заворчал Ёж. – Ступай-ка ты, Длинноух, всё лукошко рассыпал! – и стал в цветах грибы подбирать.

– Заяц! Заяц я! – закричал Заяц, увидев в дупле Белку. – А ты и не знала!

– Ну, заяц так заяц, – обиделась Белка. – Ступай-ка ты, Скок-поскок, не то деток моих перебудишь.

Помчался Заяц дальше, прямо на Медведя – шлёп! – налетел.

– Нет, ты точно, Косой, умом подвинулся! – зарычал Медведь. – Совсем окосел!

– Никакой я не косой, а Заяц! – верещал Заяц, ухваченный за уши. – Настоящий Заяц, вот кто я!

Подивился Медведь заячьему упрямству и прочь отпустил.

А Заяц до самого вечера бегал по лесу и на все лады кричал своё имя: Заяц, Заяц, Заинька! Коротенькое, как его хвост, надёжное, как свист ветра в ушах, когда бежишь, и хрусткое, как заячья капустка.

Хвост (Сказка)

Жил-был Хвост. Всем хвостам Хвост! Хвастливый да хитрый, ко всем приставал. То к зайцу прицепится, то к медведю привяжется, а то и к домашней скотине пристанет. Не было от него покоя.

Заяц-то, не к ночи будь помянут, из-за него и поплатился. Учуял волк зайца в кустах. Хотел шугануть для порядка, просто

так: овцой был сыт. А Хвост у зайца не дрожит, как заячий хвост, кулак показывает! Хоть и маленький, хоть и мягонький, а кулак.

Пошёл заяц ушами кусты расшибать, волк за ним, а кулачок-то заячий перед волчьим носом всё скачет да дразнится, словно кукиш показывает.

Достал волк зайца, душу отвёл. Сам-то Хвост чуть жив остался, выплюнутый. А всё неймётся: к чему было с зайцем связываться, когда медведь в лесу хозяин!

Как раз у медведя после зимней спячки пора была – хвост менять. Хвост ему и подвернулся. Оглядел себя медведь – вроде хорошо. И пошёл к брату в гости. А Хвост – ни в какую: к ручью толкает. Пришлось идти.

Накушался медведь рыбки – не в гости ж теперь! Да и мосток назад неустойчив стал: закачался медведь, лапами загребает, да Хвост перевесил. Хвосту-то что – отряхнулся, и ладно, а медведю весь день шубу суши!

В другой раз и того хуже. Забрался медведь на пасеке в колоду с головой, чавкает. И ещё ему удовольствие, что сам догадался: на улице свет, а в колоде черно, хоть глаз коли. Кто ж его разбой в такой темени увидит! А мёд лизать – огня не надо.

Да как на грех косолапый про Хвост забыл. Хвост в мёде не разбирается, снаружи остался. Тут пасечник на крыльцо вышел – дула чищеные на свет проверяет. Хвост его и поманил.

Медведь тогда хоть и унёс Хвост, а рассердился: прогнал его вон, так и ходил ни с чем до новой весны.

Где только Хвост не был с той поры: и у бодливой коровы, и у кота-прохвоста, и лиса им вертела-крутила – нигде не ужился. И почувствовал Хвост – к людям тянет.

Сперва его, как обрубок шланга, из огорода на помойку выбросили. В другом доме приспособили его по стенам мух колотить. И совсем сжили бы со свету, если бы не один мальчик.

Такой мальчик для Хвоста – просто находка! Старших совсем не слушается, девочек обижает, на уроках в школе ворон ловит. Хвост к нему всей душой привязался, прямо на диктанте. Мальчик и сам плохо грамоту знал, а тут и Хвост помог: не «хвастливая» лиса писать надо, а «хвостливая».

Про то Хвосту лучше знать. Мальчик и написал.

А летом – кто на море купаться, кто на качелях качаться, а мальчик – с Хвостом. Так и жил этот Хвост в его дневнике скрюченной двойкой до самой осени. Надоел он мальчику: куда ни ступишь – всюду тянется. Засмеяли его совсем: «Вон, глядите, глядите – человек с Хвостом!» А Хвост и рад: у всех на виду, не в лесной глуши.

Где теперь этот Хвост, сказать не берусь. Мальчик-то с ним

давно расстался. Одно знаю: беда с таким Хвостом. Вот и рассказал вам эту историю – на всякий случай.

Два граната (Притча)

На гибком пожелтевшем кусте, впервые обласканном плодоношением, созрели два граната. Два красных, с бронзовым отливом близнеца на одной ветке.

«Хотел бы я знать, кого из нас сорвут первым, – думал тот, что висел повыше, разглядывая братца. – Ну конечно, меня! У меня внутри больше жара и сладости. Оттого и кожа бугристей».

«Ах, как он хорош! – поглядывал снизу на него другой. – Ни в чём мне не уступит. А зубцы короны ровней моих. Вот бы лежать нам вместе в большой вазе посреди белой скатерти!»

И снова оба впитывали росу на рассвете, калёный зной в полдень, а закат под вечер.

«Если не я, то кто ж станет украшением праздника? – продолжал свои размышления первый. – Всегда кладут на гору фруктов, как алый венец, самый большой гранат. А братца можно сорвать и потом. Куда спешить?»

«Я первым не дамся, – думал другой, – только вместе. Мы же выросли вместе, не имеют права… А уж если что – пусть я останусь, пусть его первым берут».

Но первым именно этот гранат и сорвали. И не потому вовсе, что в чём-то он имел превосходство, а потому, что висел чуть ниже: хозяин торопился. Сорвал и унёс.

Может быть, оставшийся гранат и пережил бы одиночество, если бы не слетевшиеся ко двору воробьи:

– Ах, чиви-чирик, на свадьбу понесли! На свадьбу понесли! На свадьбу!

Вот тогда и лопнул гранат, и рубиновые его зубки блеснули в тёмной кривизне оскала. Они шлёпнулись в тёплую пыль, где из-за них поднялось настоящее воробьиное побоище. А потом прилетели горлинки и склевали весь гранат. И больше о нём никто никогда не вспоминал.

Да и от того, свадебного, граната тоже давно не осталось ни зёрнышка. Правда, через много-много лет, перебирая в сундуке старые вещи, пожилая женщина нашла розовое пятнышко слева под вырезом помятого свадебного платья. И вздохнула. И улыбнулась.

– Ах, что это был за гранат! – только и сказала.

Газимбек Багандов. Пересказ с аварского

Сказка о дедушкиных башмаках

Маленькое вступление, из которого ясно, в кого я такой

Ах, сказки! Да я из-за сказок, увы,
Останусь когда-нибудь без головы:
В соседских дворах
и в чащобах лесных
Я голову с детства терял из-за них!

Кто сказкой поманит —
тому я работник:
И пекарь, и сторож, и дворник,
и плотник.
Бывало, расстроится Дедушка мой:
– В кого ты у нас безголовый
такой?!
А Бабушка скажет:
– Чему удивился?
Да весь он в тебя, дорогой,
уродился!

Конечно, я в Деда, в кого бы ещё бы!
Он сказки искал по горам и чащобам,
Он голову тоже терял где попало,
Едва лишь заслышится сказки начало.

Вот сказка его мне
и вспомнилась снова,
И вспомнил её я от слова до слова:
От Зайца, чьи ушки мелькнули
в тумане,
До маленькой дырки в кармане…

Глава первая. О том, как поссорились мои башмаки, которых никогда не было

Однажды в малине,
Гуляя в долине,

Которой и не было
Вовсе в помине,
Такого я Зайца
Вспугнул на рассвете,
Которого не было вовсе на свете.

Ну, нет – и не надо!
Но честное слово,
Тут палку я вскинул —
Пиф-паф! – и готово.
Вот, думаю, славный
Получится ужин —
Добывшему Зайца
Барашек не нужен.

В очаг я подбросил
Сухие дровишки,
Поставил кастрюлю
Без дна и без крышки,
Зайчатину бросил
В кипящую воду,
Присел на колоду —
Гляжу на погоду.

Пока моя ложка
В кастрюле мешала,
Зайчатина вместе
С водой убежала!
Я только заметил,
Как серые ушки
Мелькнули в тумане,
На дальней опушке.

Спасибо, хоть Заяц
Мне жирный попался,
И жир
В подгоревшей кастрюле
Остался,
А смазывать кожу им —
Первое дело,
Чтоб ваша обувка,
Как солнце, блестела!

Признаться, я сам

Башмаков не имею,
Но смазать их жиром
Прекрасно сумею:
Достаточно только
Найти их на печке
И вместе с находкой
Присесть на крылечке.

Вот так я и сделал —
И Правый Башмак свой
До вечера мазал я
Жирною ваксой.
Когда же я вспомнил
О Левом Ботинке —
В кастрюле, увы,
Не нашлось ни жиринки!

Ну нет – и не надо!
Ведь, честное слово,
Их нет у меня —
Ни того, ни другого.

Но только на лавке
Заснул я – и слышу:
Как будто бы падают
Камни на крышу!
Как будто по дому
Стреляют из пушки —
Упали подушки,
Запрыгали кружки!

Тут в ужасе с криком
Я бросился к двери,
Смотрю – и глазам своим
Просто не верю:
Мои Башмаки
Каблуками дерутся,
Кидаются глиной,
Шнурками плюются!

Конечно же, был
В этой драке задира,
И был им Башмак,
Что остался без жира,

Но чтоб справедливость
Восторжествовала,
Я оба Ботинка
Схватил как попало,
И Левый забросил
В Андийские горы —
С тех пор сторожит он
Мышиные норы.
А Правый закинул
В Каспийское море
И вовсе забыл
Ту историю вскоре.

Глава вторая. О том, как я отправился в гости верхом на блохе

И надо же было
Такому случиться:
Чуть свет – почтальон
В мои окна стучится,
И лишь отворил я
Оконную раму,
Он крикнул:
– Скорее читай телеграмму!

Дела! Не ошиблась ли,
Думаю, почта?
Там чёрным по белому
Сказано вот что:

«Прими, мой Хозяин,
Привет и почтенье!
Надеюсь, ты выедешь
Без промедленья,
Поскольку в стране
Короля Барбариса
Все пальмы усеяны
Гроздьями риса!
Не медли! Вернёшься
С богатством и славой!
Твой верный Башмак.
Разумеется, Правый».

Скажу вам по чести,
Прочтя эти вести,
Другой бы, наверное,
Спятил на месте.
А я рассудил:
Это ж сказка, ей-богу!
И сразу же стал
Собираться в дорогу.

Припас я лепёшек
Да зелени малость,
Снял бурку с гвоздя,
Что от Деда осталась, —
Без бурки какой же
Ты, право, мужчина?
И тут из овчины —
Скок-скок из овчины —
Блоха! Не Блоха —
Настоящее чудо:
На тоненьких ножках,
А ростом с верблюда!
С такою Блохой
Даже конь не сравнится —
Ни зверь не догонит,
Ни хищная птица!

И вскоре,
Не зная заботы и горя,
Верхом на Блохе
Я добрался до моря.

Глава третья. О том, как я нарушил древний обычай и не оставил блоху королю

Такого не знал я
И в древних поверьях,
Чтоб гроздьями рис
Вырастал на деревьях,
Чтоб даже Блоха
При невиданном росте
Едва доставала
Жемчужные гроздья.

Король, Королева
И юные принцы
Не могут никак
Скакуну надивиться:
Кто ножку почешет,
Кто брюшко погладит.
Скотина сыта —
Так с любым и поладит,
И даже, народ
У дворца веселя,
Лизнула вспотевшую
Плешь короля!

Три дня в королевстве
Вовсю пировали
И в прятки
В дворцовых покоях играли:
Башмак мой отплясывал
Лихо лезгинку,
Пока не разбил
Граммофон и пластинку.

Одно только плохо,
Что я против правил
Тогда же Блоху
Королю не оставил:
Уж как он, признаться,
К Блохе привязался!
Но как бы я с грузом
Домой добирался?

И вот на Блоху
Погрузили поклажу,
И рис в Кубачи
Повезли на продажу.
Скачу я и плачу,
Не в силах сдержаться:
Так было со всеми
Мне жаль расставаться.

Глава четвёртая. О том, какие бывают занозы и как мне помог мой левый ботинок

И тут-то,
Ещё и не высохли слёзы,
В блошиную пятку
Вонзилась заноза!
Не щепка какая-то
Или иголка,
А с острой макушкой
Смолистая ёлка!

От боли Блоха
Подскочила до тучи!
Посыпался рис
На скалистые кручи,
По склонам корзины
Помчались, как серны —
Тут как ни храбрись,
А что скверно, то скверно!

И вновь меня выручил
Случай нелепый —
Мой старый Башмак,
Но не Правый, а Левый,
Который в ту пору,
Гремя колотушкой,
Шагал в одиночку
Лесною опушкой.

И только он свистнул,
Смекнув, что случилось,
Как тотчас
Мышиное войско явилось:
Представьте – всего
За какие-то сутки
Всю ёлку изгрызли
Мышиные зубки!

Однако теперь
Незадача другая:
До дому Блоха
Не доскачет хромая.
Ей нужен покой,
И уход, и так дале,
А мы ведь всего
Полпути проскакали!

И, смазав ей пятку
Ореховым маслом,
Блоху со своим
Башмаком распрекрасным
В горах я оставил,
С мышами простился
И пешим в аул,
Наконец, возвратился.

Глава пятая. О том, как, сам того не ведая, я посадил ореховую рощу

Вот как-то однажды
Сушу я солому,
Опять почтальон
Направляется к дому.
Я чуть не свалился,
Признаться по чести,
Едва лишь прочёл
Эти странные вести:

«СКОРЕЙ ПРИЕЗЖАЙТЕ!
АХ, ТОЛЬКО НЕ БОЙТЕСЬ!
БАШМАК.
РАЗУМЕЕТСЯ, ЛЕВЫЙ.
И подпись».

Недолгими были
Походные сборы —
И снова я вижу
Андийские горы.
И тут замечаю —
Такая картинка! —
Блоху, что склонилась
И пьёт из Ботинка,
А ветер над ними
Тихонько полощет
Тяжёлые ветви
Ореховой рощи!
Там белочки скачут
И птицы гнездятся —
Откуда бы роще

Ореховой взяться?

Откуда? Оттуда —
Из пятки блошиной,
Сразу меня гром
И не будь я мужчиной!
Из пятки, из той,
Что ореховым маслом
Когда-то я смазал
Как лучшим лекарством!

Да вы бы себе
Не поверили сами,
Увидя всё это
Своими глазами!
Да вы бы совсем
Позабыли о смехе,
Когда бы со мной
Собирали орехи!

Три ночи все мыши
Не ели, не спали —
Орехи в большие
Мешки высыпали.
Три дня с Башмаком
Мы таскали из пятки
Деревья на новое
Место посадки.
И только потом,
Отдышавшись немного,
Пустился я к морю
Знакомой дорогой.

Глава шестая. Почему у меня не осталось ни одного ореха

Добравшись до моря
Без всякой помехи,
Отдал Королю я
Все эти орехи,
И он их на площади
С радостным визгом
Колол каблуком
И вручал барбарискам.

А после Блоху
Расседлал я, вздыхая:
Совсем не у каждого
В доме такая!
Как жаль расставаться!
Но честное слово,
Король заплясал
От подарка такого!
И взял я на память
Всего три ореха:
Один для тебя —
Будет внуку потеха!
Второй – чтобы бабушка
Им любовалась,
А третий себе,
Чтобы лучше мечталось.

И тут-то, в малине,
В прекрасной долине,
Которой и не было
Вовсе в помине,
Увидел в кустах я,
А может быть, возле —
Зайчонка, которого
Не было вовсе.

Он носиком водит,
Он строит мне глазки:
Мол, если б не я,
Так и не было б сказки!
Пришлось свой орех
Подарить мне Косому —
И ты бы не смог
Поступить по-другому.

А бабушкин – тот,
Что вторым был по счёту,
Отдал почтальону
За труд и заботу:
Столкнувшись со мною,
Он выпалил в спешке,
Что всею душой
Обожает орешки!

Пускай хоть последний
Достанется внуку!
Но только в кармашек
Засунул я руку,
Как сразу же в нём
Обнаружил прореху —
А этого только
И нужно ореху!
Орех потерялся – ужасная жалость!

* * *

СПАСИБО, ХОТЬ СКАЗКА ОСТАЛАСЬ!

Муса Гали. Перевод с башкирского

Праздник сабантуй

По дороге, по дорожке,
В розвальнях и на подножке,
Кто в повозке, кто пешком,
Кто за ручку, кто верхом —
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Ты на поле – я на поле,
Ты спешишь – а я тем боле!
Ты сосед – и я сосед!
Одолжи велосипед!
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Поле. Музыка. Толпа.
На ковре идёт борьба.
А под хохот до флажка
Скачут, скачут два мешка.
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Быстро топают копыта,
Ловят девушку джигиты,
Но успела – ой-ля-ля! —
Увернуться Джамиля!
Сабантуй,
Сабантуй
Сабантуй!

Мне не надо, мне не надо
Ни подарка, ни награды.
Мне бы только стать джигитом
Настоящим, знаменитым!
Сабантуй,
Сабантуй,

Сабантуй!

Продираюсь сквозь толпу,
Не спеша иду к столбу,
Лезу вверх без остановок —
Я ль не смел и я ль не ловок?
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Льётся пот, едва дышу —
На столбе верхом сижу!
Люди хлопают в ладоши,
Мой сосед мне строит рожи —
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Мне не надо, нет, не надо,
Ни подарка, ни награды!
Правда, если за победу,
Да ещё назло соседу,
Дарят вам велосипед —
Отказаться силы нет!
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Раиса Сарби. Перевод с чувашского

Вкус снега

Я лежу и кашляю:
Ках! Ках! Ках!
У постели бабушка:
Ах! Ах! Ах!

А мама мне кутает горло
И ставит припарки,
А папа по комнате ходит,
Как тигр в зоопарке.
А папа рычит: – Боже мой,
Нет вниманья к ребёнку! —
А я их жалею и кашлять
Стараюсь в сторонку.

Я лежу и кашляю:
Ках! Ках! Ках!
Вызывают доктора:
Ах! Ах! Ах!
И доктор приходит с мороза
Румяный, как клоун:
– Представьте, ангина! – сказал он
С печальным поклоном.
А мама дрожит, как серёжка,
Не может согреться.
А папа сказал: – Валидол! —
И схватился за сердце.

Я лежу и кашляю:
Ках! Ках! Ках!
Пью лекарства горькие:
Ах! Ах! Ах!

Бывает же так с человеком —
Одно невезенье!
А там, за окошком, – и солнце,
И снег, и веселье.
Ах, снег-холодок, это только
Ты с виду невинный,

Арбузный, мерцающий, вкусный,
Но очень ангинный!

Я лежу и кашляю:
Ках! Ках! Ках!
Жаловаться некому:
Ах! Ах! Ах!

Тотрбек Кочиев. Перевод с осетинского

Такая Яблоня

Я ногу за ногу заплёл,
Стою, как яблоневый ствол,
Качаюсь у беседки.
Я руки в стороны развёл —
И зашумели ветки.
А это – яблоко. Оно,
Как видите вы сами,
На этой яблоне одно —
Зато с двумя глазами!

Дружба

Дружит орёл с небом,
А молоко – с хлебом.
Ручьи – с овражками,
Пчёлы – с ромашками,
Дымок голубой
Дружит с трубой.

А мы – с тобой…

notes

Примечания

1

Кухлянка – верхняя меховая одежда.

2

Торбаса – меховые сапоги.

3

Камлейка – летняя верхняя одежда.

4

Юколка – вяленая рыба.